

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Виктор Дубчек

КРАСНЫЙ ПАДАВАН

Красный падаван

Виктор Дубчек

Красный падаван

«Яуза»

2012

Дубчек В.

Красный падаван / В. Дубчек — «Яуза», 2012 — (Красный падаван)

«Бывают такие книги, чей сюжет в пересказе выглядит горячечным бредом. Темный Властелин Дарт Вейдер на имперском крейсере попадает к Земле 1941 года? Иосиф Сталин заключает союз с Дартом Вейдером?! Имперские штурмовики вместе с бойцами Красной Армии героически сражаются против солдат Вермахта??? У такого сюжета – 99,9 % вероятности быть чудовищной графоманией. И всего лишь одна сотая процента – оказаться тонкой, на самой грани фолы, пародией – и над набившими оскомину книгами про «попаданцев к Сталину», и над космической фантастикой в духе Звездных Войн. Но самое удивительное, что в какой-то момент этот задорный иронический бурлеск, балансирующий на грани между трэшем и фарсом, становится больше, чем просто пародией – и автор, не меняя выражения лица, начинает говорить и о серьезных вещах... Как известно, у России есть два выхода – либо мы сами все исправим, либо прилетят инопланетяне и помогут, причем фантастическим является первый вариант. Так вот, книга Дубчека не фантастическая, фантастическим было наше прошлое. Но, быть может, она поможет сделать фантастическим наше будущее». Сергей Лукьяненко

© Дубчек В., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Часть II	22
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Часть III	40
Глава 7	40
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Виктор Дубчек

Красный падаван

© Дубчек В. П., 2012

© ООО «Яуза-пресс», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть I

Скучная планета

Глава 1

«Золотое» попадание

Таусу было страшно, очень страшно.

Каждый шаг давался с трудом, как будто генераторы искусственной гравитации снова сошли с ума и пытались размазать молодого офицера по палубному металлу.

Но дело было, конечно, не в гравитации: в своём нынешнем состоянии линкор едва мог поддерживать четверть от штатной. На некоторых палубах аварийные команды всё ещё работали в скафандрах с магнитными держателями. Кое-где продолжались пожары, хотя гореть, казалось, было уже нечему, а противопожарные системы давно выработали все патроны с инертным газом. Часть отсеков вовсе потеряла герметичность, и закрыть их было невозможно даже щитами, потому что щиты тоже были выбиты практически полностью, но, к счастью, крупных метеоритов или мусора пока не попадалось.

Алустилловые элементы набора в основном выдержали и подрывы на гравитационных минах, и последующие столкновения, но многие плиты внешнего корпуса деформировались и разошлись на стыках. Почти две трети силовых установок корабля были либо разрушены, либо автоматически выведены в холостой режим – от греха подальше. Система электроснабжения пострадала, кажется, ещё сильнее, и в провонявших кислой пластиковой гарью коридорах то и дело гасло штатное освещение.

Линкор почти утратил управляемость и после выхода из гипера мог лишь судорожно подрабатывать планетарными двигателями, стабилизируя положение в пространстве. Основной ангар, некогда способный без особого напряжения вместить даже Имперский дредноут, теперь представлял собой перепаханное металлическое поле, засыпанное обломками техники и радиоактивной графитовой пылью; три сотни истребителей, бомбардировщиков, транспортников – всё в кашу. О нижних вспомогательных ангарах и думать не хотелось.

Потери в живой силе, оборудовании и материальных ресурсах были настолько велики, что остатки технической и кадровой служб до сих пор не могли оценить масштаб катастрофы. Но это было лишь одной из причин, по которым лейтенанту Таусу было так страшно идти на доклад к Лорду Вейдеру.

Куда страшнее оказалось то, что никто не знал нынешнего местоположения корабля.

Звёзды вокруг были чужими.

– Что значит «не можем определить», лейтенант? – раздражённо спросил адмирал Криф. Холёные пальцы пробежались по краю стола, выбивая какой-то замысловатый ритм. – Вы пьяны?

– Никак нет, адмирал, трезв. – Таус выпрямился ещё деревяннее, с ненавистью глядя мимо краснеющего лица адмирала. За противоположным концом стола, в углу Резервного оперативного центра мрачно молчал Лорд Вейдер. Впрочем, Владыка ситх казался мрачным всегда, его массивная фигура в чёрном плаще, свистящее дыхание, неподвижная матовая маска нагоняли ужас и на куда более крутых парней, чем Таус. Но сейчас Вейдер молчал как-то особенно неприятно, не мешая адмиралу, всё более входившему в раж, изгаляться над молодым офицером.

«Ищут виноватого, – с глухой тоской в очередной раз подумал Таус, – повесят всё на меня – и поминай как звали. Силовые кандалы, электростимул, Имперский трибунал на Корусанте. Если сильно повезёт – позволят совершить самоубийство, тогда опала не коснётся хотя бы семьи».

– Мы потерялись, идиот, понятно вам это? Новейший линкор Империи! Это позор, это катастрофа!

Таус был, конечно же, не виноват в позоре и катастрофе. Просто из флотских старше его по званию в строю оставались только сам адмирал да флаг-капитан протокола Банну, кроткий улыбчивый старик со слезящимися глазами, давно выслуживший три полных круга. Назначать на роль виноватого Банну было бы слишком даже для Крифа. Остальные старшие офицеры флота остались под тоннами алустила и титана в искорёженной надстройке «Палача», выплеснулись в вакуум кровью и кишками, испарились под вспышками протонных торпед в погребках внешнего корпуса. Сейчас Таус завидовал погибшим и раненым. На них, по крайней мере, не орёт этот красномордый лицемер.

– Лейтенант, вы понимаете, что ваше поведение находится на грани саботажа? – продолжал накручивать себя Криф. – Что? А? Нет! Это и есть саботаж! Что значит «нет координат»? Как ты смеешь, щ-щенок, приходить на заседание Экстренного Совета с таким наглým видом, будто это не твоя вина в!..

– Адмирал, – неожиданно прервал этот поток брани спокойный тяжёлый голос. Таус, погружённый в мысленное созерцание безрадостных картин предстоящих пыток, трибунала и казни, не сразу понял, что наконец заговорил Лорд Вейдер.

«Адмирал, отдайте этого предателя и саботажника мне. Я разрублю его на тысячу маленьких эвоков и вышвырну в космос», – беззвучно закончил фразу лейтенант.

Чёрный шлем чуть наклонился в его сторону. Свист дыхания вырвался из-под маски, как скупая усмешка.

– Адмирал, а где вы находились в момент атаки мятежников?

Таус очень хорошо знал ответ на этот вопрос. Криф выжил, потому что в момент столкновения находился в собственной роскошной каюте на двадцать девятой палубе ипил розовое альдераанское в компании молоденькой красноносенькой твилекки. Таус слышал её пьяный смех по интеркому, когда в очередной раз пришёл к адмиралу с запросом от командора Пьета – офицеры, согласно штатному расписанию занявшие места на ходовом мостике в начале первого пробного рейса «Палача», ждали распоряжений, но адмирал сразу после отшвартовки мобильных стапелей расстегнул ворот парадного кителя, ушёл с мостика и не откликнулся на вызовы. Криф тогда даже не открыл дверь каюты, послав лейтенанта к крату и приказав не беспокоить его по пустякам.

Через двадцать стандартных минут в Основной ангар корабля аккуратно вошёл неповоротливый грузовой челнок с пилотом-дроидом – и взорвался точнёхонько напротив силовой сферы генератора щитов, срывая с фундамента агрегат, деформируя внутренний набор, лишая «Палач» возможности выпустить палубные истребители.

Ещё через полторы минуты надстройка корабля была изуродована столкновением с вывалившимся из гипера каламарским фрегатом, пилот которого то ли решил поиграть в героя, то ли просто потерял управление. Почти все находившиеся в боевой рубке погибли. Новенький сверхмощный и сверхзащищённый корабль перестал быть боевой единицей, отдавшись на волю гравитации. Деятнадцать километров металла, кремния, пластика, воздуха, бронестекла и дрожащей плоти отправились в безбашенное – буквально, ведь надстройка уже перестала быть – путешествие.

«Палач» раздавил несколько не успевших увернуться мобильных стапелей и снёс с орбиты платформу типа Голан-2, по иронии судьбы предназначенную для защиты самого лин-

кора во время строительства. Споткнулся о другую, потеряв половину барбетов левого борта, несколько вспомогательных ангаров и наблюдательных постов. К этому времени в боевом объёме в сознании не было никого, кроме дроидов, поэтому выход «Палача» на гравиминное поле оказался не столь эффектен, хотя, бесспорно, эффективен. Шесть разрывов добились химическое и протонное хозяйства, генераторы щитов и курсовые службы верхней полусферы. В погребах детонировало ещё несколько протонных зарядов. Казармы обоих штурмовых легионов были засыпаны обломками переборок и агриниевой крошкой, горели; но и «пятьсот первым», и «вьюжникам» повезло – большая часть штатного состава подразделений ещё оставалась на планете.

Наконец «Палач» проломился через гравимины и нос к носу вышел на ожидавший его караван судов снабжения. Расчётная автономность корабля класса Звёздный Суперразрушитель составляет шесть стандартных лет... караван оказался большим. Линкор уже было некому – и нечем – остановить, поэтому он последовательно протаранил сперва два челнока, затем десяток тяжёлых транспортников, с каждым последующим ударом теряя ещё несколько отсеков, плит внешнего корпуса, радарных установок и турболазерных турелей.

Набор держался, но и в обитаемом объёме уже не осталось практически никого, кто не был бы ранен или контужен из-за сотрясений. К счастью, в строю оставались дроиды, и в строю оставались гипердвигатели, поэтому, когда изуродованный красавчик линкор стал окончательно сваливаться в гравитационный колодец Фондора, кто-то из дроидов сумел экстренно запустить гипердвигатель – планетарные приводы уже не справлялись.

«Палач» ушёл в нерасчётный гипер – и даже вышел из нерасчётного гипера, что было уже совсем неправдоподобным везением. Таус должен был погибнуть на мостике с остальными офицерами, но уцелел, потому что не успел дойти до турболифтов: он прошагал пешком всю тридцатую палубу, пытаясь хоть немного успокоиться. Адмирал Криф слишком хорошо умел подбирать слова, когда хотел уязвить подчинённого.

Теперь уязвлён был сам адмирал.

– Лорд Вейдер, я не понимаю, какое это имеет отношение к делу? Саботажник отказывается даже сообщить нам, где мы сейчас находимся. Из-за его действий мы не можем запросить помощи...

Свист сухого дыхания сделался резче.

– Помощи, адмирал? Это сильнейший корабль в Галактике, мой личный линейный крейсер. Империи необходим этот корабль. Я назвал его «Палачом» не для того, чтобы ваша некомпетентность привела к таким тяжёлым последствиям.

– Лорд Вейдер, вы забываетесь! Ваше положение при Императоре не даёт вам права...

– Это последний раз, когда вы подводите меня, адмирал.

Криф поперхнулся, задёргал веком. Вейдер неторопливо поднял руку, чёрная матовая перчатка чуть шевельнулась – и адмирал вдруг запрокинул голову, заскрёб ногтями, в кровь раздирая собственное горло, на глазах почернел и перестал дышать. В тишине отчётливо послышался сочный хруст ломаемых позвонков. Тело в парадной форме мягко сползло на ковёр. Таус испытал лёгкий укол немного постыдной радости, потом понял, что и сам не дышит.

– Капитан Игнази. Вы принимаете управление «Палачом».

Таус удивился, что Лорд Вейдер помнит его фамилию, хотел сказать, что он вовсе не капитан, а всего лишь лейтенант, что в двадцать четыре стандартных года ещё рано командовать крупнейшим линкором Империи, что он вообще не хотел идти во флот – но слова почему-то никак не находились, а в горле першило от ужаса и восторга.

– Итак, наша навигационная служба не в состоянии определить координаты точки выхода?

– Так точно, Лорд Вейдер. Прыжок оказался практически спонтанным, гипердвигатели были форсированы прямо из дежурного режима и только для того, чтобы избежать падения в гравитационный колодец Фондора. Мы не успели зафиксировать параметры входа в гипер, так что не можем и вычислить точку выхода.

– Вы пробовали триангуляцию по известным звёздам?

– Лорд Вейдер, наши астронавигаторы не наблюдают известных звёзд.

– Как это может быть, капитан? – голос Владыки ситха зазвучал раздражённо.

– Я не знаю, Лорд Вейдер. Дроиды-навигаторы утверждают, что в наших банках данных нет спектральных записей о ближайших звёздах. Включая ту, в системе которой мы сейчас находимся. Но часть банков была повреждена ещё при первых подрывах, возможно, что-то удастся восстановить со временем. Я приложу все силы...

– Что за планета под нами? – перебил свежее испечённого капитана Вейдер.

– Неизвестно, мой Лорд. Это планета с азотно-кислородной атмосферой, пригодной для дыхания, – Таус чуть запнулся, вспомнив, что лёгкие Вейдера были сожжены в какой-то из великих битв прошлого – тёмный джедай мог дышать лишь с помощью своей кошмарной маски, закрывавшей всё лицо, либо в особой гипербарической камере, установленной в его каюте. Вейдер, однако, не счёл нужным заметить заминку, и Таус продолжал: – Планета обдаёт обильной растительностью, океанами, населена гуманоидной разумной формой жизни, визуально наблюдаются довольно примитивные поселения. Мы перехватываем радиосигналы, но они слабы... и дроиды-переводчики не могут опознать язык.

– Это невозможно. Дроиды знают миллионы языков.

– Да, Лорд Вейдер. Но языки этих радиопередач им не известны.

– «Языки», капитан?

– Выделено уже более тридцати различных диалектов. Дроиды приступили к расшифровке.

Вейдер удовлетворённо повернулся в крутящемся кресле.

– Такое количество наречий свидетельствует, что обитатели планеты разобщены. Превосходно.

Таус всё-таки решился осторожно уточнить:

– Мой Лорд, возможно, есть способ определить наши координаты с помощью Силы. Я слышал, что Сила присутствует везде.

– Это так, но образ этой части Галактики... необычен. Я не чувствую здесь знакомых путей в Силе. Но пусть вас это не беспокоит, капитан Игнази. Я займусь этим лично.

После того как за капитаном закрылась дверь, Вейдер неторопливо подошёл к чудом уцелевшему бронестеклу каюты. Остальным секциям панорамы повезло меньше – на их месте глухо чернели щитки квадрантовой стали.

– Старкиллер, – негромко произнёс Вейдер.

В тот же миг навстречу ему из глубокой тени выступил высокий худощавый юноша в неприметном рабочем комбинезоне. На инструментальном поясе справа висел небольшой металлический цилиндр. Знающий человек опознал бы в цилиндре рукоять светового меча и решил, что юноша, вероятно, очень уверен в своей Силе, раз носит знаменитое джедайское оружие так открыто.

Аскетично поджатые губы молодого человека чуть шевельнулись:

– Да, Господин.

– Посмотри.

Старкиллер послушно повернулся к свету. Внимательные серые глаза привычно прищурились.

Тяжёлый плащ всколыхнулся, кулак Вейдера упёрся в бронестекло с такой силой, будто Владыка ситх хотел пробиться наружу, в открытый космос.

– Я чувствую великое возмущение в Силе, но не могу понять его природу. Ты отправишься вниз.

Старкиллер бросил быстрый взгляд на Учителя.

– Да, Господин.

Юноша снова повернулся к панораме. Блестящие струйки пара били с обшивки в пространство, мгновенно застывая и рассыпаясь разноцветными снежинками: изуродованный корабль нещадно травил воздух. Но при наличии внизу подходящей атмосферы это не было такой уж проблемой.

Избитое, осиротевшее, полуослепшее девятнадцатикилометровое звёздное чудовище висело на орбите небольшой и довольно скучной зелёно-голубой кислородной планетки.

Глава 2

Пропала суббота

Войны ждали, к войне готовились. Лихорадочно перестраивалась промышленность и логистика, запасались боеприпасы и горючее, одна за другой шли в войска директивы. В войсках к директивам относились... по-разному. Все понимали неизбежность Большой Войны, но мало кто не надеялся – обойдётся, небось, нешто.

Колкий страх, нетерпение, деловитое движение огромных масс людей. Суета – успеть бы, только бы успеть; хотя к Большой Войне успеть невозможно.

Кто-то возводил укрепрайоны, кто-то отработывал фигуры высшего пилотажа и боевое взаимодействие, кто-то тщательно взрыхлял контрольные полосы. Кто-то, как Павлов, скатывался во всё более мрачный и бессмысленный запой, нелепо волочился за балеринами, заслонялся от страха всё более бравурными и лживыми докладами наверх.

Наверху ждали тоже.

Невысокий, немолодой уже человек на самом верху – выше солнышка – спокойно и сосредоточенно напрягал все свои силы и все силы своей страны, чтобы спасти страну, чтобы спасти нечто большее, чем страна. За человеком стояла великая правда – а правда есть сила; но сил всё равно не хватало.

Пойди история чуть иначе – подлецы-историки написали бы: не предвидел, не предусмотрел, не подготовился.

Ложь. И предвидел, и предусмотрел. Не подготовился? Поди подготовься, когда четыре миллиона весёлых белозубых парней с засученными рукавами бряцают железками по ту сторону границы. Лучшая в мире армия, покорители Европы; да эта армия и была самой Европой в очередном её крестовом походе. Европа накачивала эту армию техникой, ресурсами, людьми – весёлой белозубой поганью. Английские банкиры накачивали её деньгами, американские олигархи – жратвой через «нейтральную» Испанию и технологиями через «нейтральную» Швецию аж до 1944 года. Но до сорок четвёртого, когда всё уже стало ясно, надо было ещё дожить, а пока ничего не было ясно, и вся сволочь мира накачивала ненавистью – великой ненавистью к великой правде – чудовищного миллионноголового зверя, низко – ниже кладбища – припавшего к земле перед неизбежным смертельным прыжком.

Одиноким усталым человеком стоял между Родиной и зверем, пытаясь успеть сделать так, чтобы этот прыжок стал смертельным не для Родины, но для зверя. Родина должна была выжить.

– Так что, товарищ профессор, жить буду? – с мягкой усмешкой спросил больной.

Борис Сергеевич Преображенский, практически «личный» терапевт Сталина, несколько замялся, но профессиональная добросовестность взяла верх.

– Иосиф Виссарионович, у вас флегмонозная ангина. Тяжёлая, тяжелейшая даже флегмонозная ангина! – профессор и сам разволновался. – Госпитализация необходима. Полежать, отдохнуть, знаете ли, поскучать.

Сталин снова усмехнулся.

– Нет, на это я пойти не могу. Здесь поскучаю.

Волынское, где располагалась Ближняя дача, действительно было местом тихим. Но Сталин лукавил – скучать было некогда. Каждый рабочий день нынешнего, 1941 года был до отказа заполнен работой. Выходные, впрочем, тоже. Темп был взвинчен уже сверх всякой меры: Сталин чувствовал – он всегда чувствовал – и потому загонял себя. Во второй половине июня Сталин серьёзно простыл, температура больного подскакивала почти до сорока, и Бориса Сергеевича просили не отлучаться из Москвы. Вот и этот вечер субботы, похоже, пропал.

Профессор ещё некоторое время пытался скандалить, по старой «ушной» привычке щёлкал пальцами – но что он мог поделать. Он вышел из залы, плотно затворив за собой двери, попрощался с Мозжухиным и уже на выходе из приёмной столкнулся с двумя весьма озабоченными военными авиаторами в чинах. Все штатные атрибуты неизбежности и неотложности были на месте: кожаные портфели, блестящие сапоги и суровое выражение мужественных лиц. Рядом с военными маялся какой-то штатский с умным насмешливым взглядом. Неодобрительно покачав головой, добрый доктор направился к выходу. Люди Власика уже подогнали машину.

Сталин отхлебнул чаю с лимоном, огладил усы и снова вчитался в бумаги. Читать было трудно – кидало в жар, голова пухла и вроде бы даже потрескивала, но надо было читать, надо было думать, надо было принимать решения. Из представленных фотографий невозможно было понять ничего, да и торопливая пояснительная записка оставляла больше вопросов, чем ответов.

– Почему вы, а не кто-то из астрономов? – остро спросил Сталин.

Михаил Клавдиевич Тихонравов, уже тогда знаменитый конструктор, автор проекта «Ракеты 09» – первой в СССР взлетевшей ракеты на жидком топливе, сидел за столом напротив Сталина. Военные расположились по бокам от ракетчика – сольную партию сегодня играл он.

– Да я, собственно, здесь случайно оказался. У нас постановление о серийном производстве ожидает подписания, ракета М-13 и боевая машина, вы знаете.

– Всё будет подписано, – ещё бы Сталин не знал про «Катюшу», – получит Флёров свою батарею. Продолжайте.

– И меня вот товарищи в Наркомате нашли и попросили сделать экспертное заключение. – Товарищ слева коротко кивнул, товарищ справа приосанился. – Мы всё посмотрели, запросили снимки в Кучинской обсерватории. Это они первые зафиксировали... объект. Пулково тоже устойчиво наблюдает, и в Томске подтверждают.

Тихонравов вздохнул и продолжил:

– Объект искусственного происхождения, сомнений нет. Форма регулярная, и мы наблюдаем самостоятельное свечение.

– Это может быть сверхвысотный аэростат?

Учёный замаялся, но честно признал:

– Мы не знаем, что это за объект. Но, как вы понимаете, не аэростат: на такой высоте от земли атмосферы уже нет. У меня в книге «Ракетная техника» про это подробно...

– Я прочитаю, – пообещал Сталин, делая пометку. Он действительно читал очень много и очень быстро и собирался выполнить обещание. Но не сейчас.

– Объект находится на синхронной... геосинхронной орбите, – поправился ракетчик, – висит точно над Москвой. В астрономическом, конечно, смысле.

Он покрутил в воздухе пальцами, изображая кривоватую восьмёрку.

Сталин неприятно нахмурился.

– Мы подняли звено истребителей, товарищ Сталин, – быстро сказал авиатор слева.

– И звено бомбардировщиков, товарищ Сталин, – быстро сказал авиатор справа.

– Зачем? – изумился товарищ Сталин.

– На всякий пожарный.

– Значит, бомбардировщики...

Иосиф Виссарионович задумчиво отхлебнул чаю.

Авиатор слева отхлебнул чаю. Авиатор справа отхлебнул чаю. Михаил Клавдиевич подумал и тоже на всякий случай отхлебнул чаю.

– «Звезда КЭЦ»? – задумчиво спросил Сталин, припоминая фантастическую повесть, прочитанную им ещё в 1936 году. – Всё-таки ракета? Какая-то из иностранных держав смогла запустить ракету с бомбами на борту.

– Не могла, товарищ Сталин, – убеждённо ответил учёный. – Никто не мог.

– Вы что же, товарищ Тихонравов, полагаете, будто ваш Ракетный институт невозможно обогнать в данном вопросе? – раздражённо проговорил Иосиф Виссарионович. – Винклер в Германии запустил ракету на жидком топливе ещё в тридцать первом году. На два года раньше вашей ГИРД! У немцев же работает Герман Оберт, у американцев – Роберт Годдард. Вы, ученики Циолковского, возомнили себя впереди всех, а теперь выясняется, что у кого-то есть возможность угрожать нашей столице бомбовым ударом.

Авиатор слева отхлебнул чаю. Авиатор справа отхлебнул чаю. Михаил Клавдиевич сглотнул.

– Иосиф Виссарионович, – тихо сказал он, – этот объект не мог запустить никто на Земле. Его наблюдаемая длина – не менее десяти километров, и это самая осторожная оценка. Методов для измерения массы объекта у нас нет вовсе.

Сталин откинулся в кресле. Взял со стола трубку, повертел в руках, положил на место.

– Собирайтесь, товарищ Тихонравов. В Кремль поедem в моей машине.

Сержант государственной безопасности Коля Половинкин стоял на Красной площади с букетом нежно-розовых лилий и чувствовал себя полным дураком. Он торчал тут уже битых полтора часа, несколько раз прошёлся до метро и обратно, съел три порции ароматного эскимо в хрустящей бумажной обёртке, даже полюбовался, как в Спасские ворота проезжают сразу пять больших чёрных авто, а потом ещё много авто поменьше, но тоже чёрных; в общем, помирал со скуки.

Хорошая девушка из общежития МИИТ, назначившая свидание перед Историческим музеем, оказалась вовсе не хорошей, а дурной. Даже, наверное, немного порочной, как аромат вот этих самых лилий. Наверное, теперь с подружками хихикает над простоухим сержанчиком, которого так удачно провела. Или – хуже того – сидит в общежитии за накрытым ситцевой скатертью столом и учит какую-нибудь глупую тригонометрию с каким-нибудь глупым брюнетом.

Он с мрачным мстительным удовольствием вообразил, как приезжает на Бахметьевскую, подходит к шестому корпусу МИИТ, достаёт своё замечательное новенькое удостоверение с гербом... «А подать сюда порочную девушку Зинаиду! И её глупого брюнета тоже».

Сам Половинкин был вызывающе белобрыс, отчаянно голубоглаз и внешность свою полагал совершенно недостаточно мужественной, потому имел склонность хмурить брови и выдвигать вперёд нижнюю челюсть. Правда, силушкой папа с мамой не обидели, да что с того? Сильных теперь много. Разве может кто-то быть слабым в такой замечательной стране, как СССР? Когда такая страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой.

Коля подумал, что обязательно стал бы героем, но просто пока не было повода. Он стоял в стенке против зареченских, ходил в одиночку в тайгу на две недели, прыгал в клубе с парашютом и, в общем, знал, что при случае себя покажет. Кроме того, Коля неплохо стрелял и боксировал: он чувствовал – он всегда чувствовал, – как надо держать оружие, чтобы пуля летела в цель, и как надо держать себя, чтобы кулак соперника в цель не прилетал. А когда на показательных выступлениях по новой милицейской борьбе «самбо» сам знаменитый спортсмен Харлампиев вызвал его из зала на ковёр, Коля просто чувствовал всё, что собирается делать соперник, и так выворачивался и так упирался, что Анатолий Аркадьевич даже вспотел, пока наконец не сумел провести болевой приём. Харлампиев потом хвалил Половинкина, говорил, что у того прекрасное чутьё, и советовал серьёзно заниматься спортом, но в училище младшего командного состава НКВД их обучали хоть и тоже борьбе, но совсем, совсем иным приёмам...

По окончании училища комсомолец Николай Половинкин получил отличные новые сапоги и направление в Москву, где и скучал смертельно, ибо никаких серьёзных дел ему пока не поручали. Под серьёзными делами Коля понимал, например, разоблачение шпионской сети, окопавшейся в научном центре по изобретению новейших электрических подводных лодок. Или, например, полёт на Марс для установления там советской власти, как в замечательной книжке «Аэлита» писателя Алексея Николаевича Толстого, только чтоб победить. Уж наверное, такая девушка, как Аэлита, не стала бы обманывать Николая Половинкина и охотно пошла бы с ним в кинотеатр «Москва», где с февраля сорок первого года крутили стереофильм «Концерт» режиссёра Андриевского. Коля очень хотел посмотреть объёмное кино, но до сих пор как-то не получалось.

Вот и сегодня – пропала суббота, в общем. Подтянутый постовой милиционер, почти ровесник, в очередной раз с понимающим сочувствием бросил взгляд на Половинкина, поправил обшлаг модного белого кителя и отвернулся. Было жарковато.

Коля вздохнул, поглядел на часы, потом на порочные лилии. Наверное, лучше всего будет оставить их у какого-нибудь памятника.

Он огляделся.

И в этот самый момент знакомые иголки упёрлись в виски. Так случилось, когда он чувствовал, и Коля привык относиться к иголкам как к хорошим подружкам, всегда готовым предостеречь его от падающей сосульки или наряда вне очереди. В этот раз подружки казались чем-то напуганными.

Половинкин стал осторожно осматривать площадь перед Историческим музеем. Не прямо перед собой, нет: любой охотник (и любой читатель приключенческих книг) знает, как верно дикий зверь чувствует прямой взгляд. Сержант государственной безопасности с безразличным видом пялился в никуда и деликатно ощупывал гуляющих прохожих периферийным зрением. До тех пор, пока нежные иголки не запели ему прямо в виски, тонко и звонко: динь-дон, динь-дон! вот-и-он! вот-и-он!

По брусчатке площади не быстро, но очень спокойно и целеустремлённо вышагивал высокий худощавый юноша в странной коричневой робе, похожей на костюм лёгкого водолаза. Юноша не выглядел крепким, но жилистым и точным в движениях. Он низко наклонил коротко стриженную голову и мог бы показаться сутулым, если бы такая осанка не казалась всего лишь подготовкой к внезапному прыжку. На поясе странного костюма болталась недлинная металлическая штуковина, вроде складной подзорной трубы, что хранилась в сундуке у деда в Саратове. Коля мог бы поклясться чем угодно, что безобидная с виду железяка была оружием, и очень важным для его владельца: правая рука гражданина всё время тянулась к этой трубе, оглаживала кончиками пальцев, но всякий раз будто отдёргивалась, убедившись в близости оружия. Кисть руки, кисти обеих рук были плотно покрыты шрамами, и Коле сразу не понравилась естественная привычность этих шрамов, как будто гражданин в водолазном костюме считал явное уродство такой же важной частью себя, как и непонятное оружие на поясе.

И странного юношу, и все его странные подробности Половинкин успел рассмотреть хоть и периферийным зрением, но чётко и быстро. Так же быстро сержант госбезопасности принял решение последовать за гражданином, который уже сворачивал за угол музея, направляясь, по всей видимости, к гранитной глыбе Мавзолея Владимира Ильича Ленина. Не понравился Коле гражданин, ох не понравился.

Неприметно следуя за юношей в водолазном костюме, Половинкин обратил внимание, что гуляющие, которых к вечеру рабочего дня собралось на площади уже немало, как бы сами собой расступаются перед всё так же ровно вышагивающим «водолазом». Перед Колей, допустим, тоже многие расступались, но Коля-то всё-таки был парень видный, да и новенькая

форма способствовала. Не боялись, конечно, – кто же в СССР заботится формы сотрудника НКВД, кроме, ясное дело, шпионов и бухаринских недобитков. Уважали. А вот перед странным юношей прохожие расступались так, будто вовсе не видят его, просто вдруг захотелось поближе рассмотреть особенно интересный камень в брусчатке или приспичило переступить с ноги на ногу.

Коля с тревожным интересом наблюдал, как юноша приближается к небольшой очереди, сгрудившейся перед входом в Мавзолей. Вопреки его ожиданиям, никто из собравшихся прохожих не одёрнул наглеца, нарушающего покойное достоинство святого места, не щёлкнул парня по носу со словами «куда прёшь, не на базаре». Толпа расступилась перед юношей, как морская вода перед каким-то древним колдуном в сборнике завиральных сказок, который Коля читал у деда в Саратове.

На самого Половинкина прохожие смотрели несколько неодобрительно, дороги никто особо уступать не спешил, и он уж начал беспокоиться, что упустит вероятного нарушителя, когда тот, поравнявшись с торжественно-чёрным провалом входа в Мавзолей, вдруг запнулся и сбил шаг, удивлённо поворачивая голову вправо. Только что сосредоточенно поджатые губы на мгновение приоткрылись, сделались почти пухлыми, как будто их обладатель столкнулся с невообразимо высокой силой, заведомо превышающей его собственные детские силы.

Но растерянность продолжалась лишь краткий миг. Юноша снова поджал губы, опустил голову, отвернулся от багрово-алой надписи «ЛЕНИН» и продолжил своё целеустремлённое движение к парадным воротам Кремля – Спасской башне. «Как паровоз», – подумал Половинкин и в этот именно момент всей душой, всеми её иголочками почувствовал, что «водолаза» во что бы то ни стало необходимо остановить, не дать ему войти в Кремль, иначе случится что-то непоправимо ужасное и окончательное. Юноша был не просто странным – он был вражеским диверсантом, понял Коля и мысленно взвыл от восторга. Подвиг! Подвиг! – эта мысль наполнила его силой и уверенностью. Жаль, нет пистолета, да кто ж с пистолетом ходит на свидание.

Он ускорил шаг, но воздух вокруг будто бы сгустился, не давая ни бежать, ни дышать толком. Преследуемый двигался неожиданно быстро, всё так же по прямой. Всего несколько метров заставили Колю взмокнуть, но он стиснул зубы и сокращал расстояние.

Диверсант вдруг остановился, словно наткнувшись на невидимую стену. Всё так же не поднимая головы, он очень плавно, как в замедленной съёмке, начал разворачиваться прямо на подбегающего Колю, правой рукой хватаясь за свою непонятную трубу и в сильном угрожающем жесте вскидывая левую навстречу сержанту.

«Пропала суббота», – весело подумал Коля Половинкин, подныривая под эту занесённую руку и тыча букетом нежно-розовых лилий прямо в серые холодные глаза диверсанта.

Глава 3

Парад планет

Гуманоид привыкает ко всему.

Вчера ты боишься каждого встречного. Красномордый адмирал Криф орёт на тебя, надменный командор Пьет гоняет по палубам с дурацкими поручениями, даже собственные товарищи по кубрику, такие же лейтенанты, подкладывают в твою койку вонючих фондорских гипножаб и мочатся в казённый скафандр.

Потом выясняется, что бояться надо гораздо меньшего количества людей, потому что почти все твои обидчики вдруг – пфф! – украшают вакуум, погребены под завалами алустила, сложены штабелями в корабельных банях, в лучшем случае – купаются в цистернах с противной сладковатой бактой.

А потом ты вдруг превращаешься в капитана сильнейшего Имперского линкора, и тебе не нужно бояться ни адмирала Крифа – потому что Криф казнён, – ни даже хозяина этого самого корабля, Лорда Вейдера. Потому что борьба за живучесть, пожаробезопасность и герметичность, восстановление планетарных приводов и хотя бы одного генератора щитов, руководство аварийными командами, анализ повреждений и оставшихся ресурсов – всё это не оставляет времени на глупые страхи.

Таус думал, что сразу после аудиенции Вейдер удалится в свою каюту, отдыхать, медитировать, искать пути в Силе – что там положено делать джедаям. Но нет, Владыка ситх всё время был рядом, его приказания всякий раз оказывались точны, а советы – полезны; да и техники становились гораздо покладистее, когда за спиной Тауса вырастала высокая фигура в чёрном плаще.

Вейдер, очевидно, тоже пострадал во время катастрофы. Таус слышал прерывистое дыхание из-под маски, видел, как тёмный джедай иной раз замедлял шаги, словно они причиняли ему острую боль. Но низкий уверенный голос звучал всё так же твёрдо – дух превыше плоти; тем более что эта плоть, по слухам, наполовину была из пластика и металла.

В кадровых вопросах Вейдер не ограничился повышением Игнази. Он заполнил ряд вакантных должностей на мостике уцелевшими офицерами из 501-го Легиона и отряда «Буран». Расчётная десантная нагрузка «Палача» составляла тридцать восемь тысяч бойцов, но в пробном рейсе на борту оказалось около пяти. После катастрофы из обоих легионов уцелело менее трёх тысяч. Да, каждый из них отличался умом, сообразительностью, был силен и прекрасно тренирован – но, увы, лишь для действий на поверхности. Многие из легионеров, разумеется, обладали навыками пилотирования десантных средств, однако челнок против Имперского Суперразрушителя – всё равно что гизка против ранкора. Конечно, при великой нужде можно попытаться погладить... Нужда была велика.

С палубными пилотажными группами дело обстояло ещё хуже. Их кубрики располагались рядом с Основным ангаром, на который пришёлся первый же удар. Уцелело всего около тридцати пилотов – меньше, чем пригодной для пилотирования техники. Вероятно, для подмены выбитого командного состава эти лётчики подошли бы лучше легионеров, но совсем уж раздёргивать их было нельзя: случись что – и линкор можно будет прикрыть только остатками СИД-истребителей. На ионники и турбозеры надежды было мало: оставшихся силовых агрегатов впритык хватало на обеспечение энергопотребления самого корабля, а сдвоенные ионные двигатели палубников были неприхотливы, надёжны и обладали автономностью в пределах двух стандартных суток. Впрочем, Таус не верил, что в случае сколь-нибудь серьёзной атаки «Палач» протянет хотя бы пару часов.

Какими соображениями руководствовался Вейдер, формируя новый командный состав? Наверное, эта его Сила позволяет как-то отличать достойных; Таусу было некогда задумы-

ваться. Как бы то ни было, среди вновь назначенных офицеров флотских не было, флотские – каста особая; но роскошествовать уже не приходилось. Поэтому Таус испытал немалое удивление, когда протокольный дроид доложил о прибытии лейтенанта Эклипс и в залу Резервного оперативного центра решительно вошла гибкая высокая блондинка в строгой тёмно-синей форме Имперского военного флота.

Лаврентий Палыч Берия любил знать всё. Такая работа. Потому и тащил на себе огромных воз научных проектов, старался досконально вникать в тонкости всех технических новинок, с которыми соприкасался: от электронных счётных устройств, которые ещё в 1939 году представил в Московском энергетическом институте профессор Сергей Алексеевич Лебедев, до – много позже – атомного проекта.

Да и не в одной работе дело; обладая от природы тонкой, романтической натурой, Народный комиссар Внутренних дел СССР чувствовал – он всегда чувствовал, – когда вселенная подбрасывала интересную загадку. Берия, как и всё советское руководство, знал о предстоящем военном конфликте с Германией и при других обстоятельствах не стал бы отвлекаться, но сегодня загадка оказалась особенно заковыристой и привлекла внимание Самого.

– Говоришь, никто его не видел? – Сталину крепко нездоровилось. Но спокойный хрипловатый голос звучал всё так же твёрдо – дух превыше плоти; тем более, когда эти дух и плоть носят такое негибкое имя.

– Так точно, товарищ Сталин. Этот сержант, Половинкин, утверждает, что следовал за диверсантом от самого Исторического музея и будто бы люди сами расступались, будто бы невидимка он.

– А как же сам сержант его углядел?

– Говорит, просто почувствовал. А потом заметил водолазный костюм. Ну и пошёл за ним.

– Твоё ведомство?

– Так точно, товарищ Сталин. Но он не на службе был, девушку ждал, я проверил. Он сейчас у нас, до выяснения, можно уточнить.

– Лаврентий, некогда нам уточнять. Сам знаешь... – Сталин не договорил, но Берия понимал его без слов.

– Мои подтверждают. Видели сержанта госбезопасности, шёл по Красной площади с букетом. У самой Спасской вдруг рванулся к воротам, и тут перед ним будто бы из воздуха образовался этот диверсант. Они схватились, пока охрана подбежала, этот Половинкин его уж придушил, насилу отцепили.

– Крепок твой Половинкин, – хмыкнул Сталин, – водолаза придушил.

– Иосиф, – очень осторожно сказал Берия, – это не самое интересное.

Он помолчал, подбирая слова поточнее:

– Во-первых, костюм не водолазный, а вроде рабочей робы. Вот только материал мы опознать не можем.

Сталин усмехнулся.

– Роба дешёвая, а материал модный?

– Никак нет, материал обычный. Только его невозможно разрезать – не берёт ни одна сталь.

– Вот из чего надо самолёты делать, Лаврентий. Надёжные были бы самолёты, это тебе не перкаль, – Сталин любил авиацию, уделял ей много сил и не понаслышке знал конструкторскую проблематику.

– Мало того, он не поддаётся воздействию огня, – добавил Берия. – Не горит совсем. Мы пробовали бунзеновской.

Сталин снова усмехнулся, ослабил воротник. Поздняя вечерняя прохлада почти не снимала с тела болезненный жар.

– Практично, – признал он, снова подумав об авиации, – а что «во-вторых»?

– Во-вторых, – сказал Берия, – этот диверсант вроде бы пытался ударить сержанта то ли какой-то лампочкой, то ли электрической дугой.

– Электрической дугой? – с лёгким сомнением переспросил Сталин.

– Так точно. Но Половинкин у него эту дугу выбил почти сразу, он никого даже не зацепил. Оказалась просто небольшая труба с клавишей. Мы нажимать не стали, срочно вызвали Патона.

– Евгения Оскаровича? – уточнил Сталин. – Он же мостами занимается.

– Обычно мостами, но сейчас он со сто восемьдесят третьим заводом работает, налаживает им автоматическую систему сварки для танков.

– Это хорошо. Танков должно быть много. И что товарищ Патон?

– Евгений Оскарович эту трубу разобрал. Утверждает, что не сварочный прибор. Нет, и не бомба, – ответил нарком на невысказанный вопрос, – люди Судоплатова сразу собаками проверили. Там внутри были просто несколько стекляшек, небольшой кристалл и ещё ряд деталей. Товарищ Патон назначение прибора объяснить затрудняется, но ничего подобного из зарубежного опыта ему тоже не известно.

– Это не диверсант, Лаврентий, – очень спокойно сказал Иосиф Виссарионович, – это не просто диверсант.

– Иосиф, ты думаешь, это как-то связано... – Берия чуть поднял голову, не отводя умных глаз от лица Сталина.

– Что твой сержант говорит?

– Убеждён, что труба – оружие. Объяснить не может, говорит – почувствовал.

– Почувствовал, значит... Где прибор?

– У Судоплатова. Он сейчас в приёмной.

Сталин снял телефонную трубку.

– Товарищ Поскрёбышев... нет, чай не надо. Пригласите товарища Судоплатова. И позвоните Меркулову, пусть приведёт этого сержанта, Половинкина. Да, и тогда уж чай.

– При капитане Игнази вы можете говорить свободно, лейтенант, – произнёс Вейдер.

«Он всё равно скоро тут сдохнет», – привычно съёрничал про себя Таус, отрываясь от бесконечной кипы рапортов и рассеянно присматриваясь к лейтенанту Эклипс.

Лейтенант была хороша. Гибкая фигурка, правильные черты лица – у него дома такое лицо назвали бы породистым. Прямой взгляд чистых чуть раскосых глаз, светлые волосы, сейчас торопливо убранные под форменную фуражку. Девушка, очевидно, знала, что ей идёт форма, и носила её с видимой гордостью. Конечно, в Эклипс не было такой совершенной тонкой красоты, как, например, в танцовщицах альдераанского балета, каждый год прилетающих к ним на Арканис. Животной привлекательностью твилекки девушка тоже не обладала.

«И к лучшему», – подумал Таус. Он охотно признавал за самим собой некоторую мягкотелость, потому тянулся к женщинам строгим. Лейтенант Эклипс производила достаточно строгое впечатление.

– Лорд Вейдер, – губы девушки чуть подрагивали, но держалась она ровно и смотрела прямо перед собой. – Старкиллер захвачен аборигенами.

Отброшенное Вейдером кресло прокувыркалось через всю залу и, ударившись о стену, осыпало дождём обломков протокольного дроида.

– Безмозглый мальчишка!

Владыка ситх в несколько быстрых шагов пересёк Резервный оперативный центр и навис над Эклипс.

– Как это произошло, лейтенант?

Девушка стояла теперь ещё прямее, но страха заметно не было. Таус мимолётно позавидовал её выдержке. Протокольный дроид очень-очень вежливо выкатился за дверь.

– Я посадила «Тень» согласно приказу, в укромном месте. Генератор невидимости всё время был включён, визуально обнаружить нас не могли. Радарами тоже... кажется, у них вообще нет радаров.

Девушка на секунду умолкла, восстанавливая дыхание.

Таус подумал, что даже если у аборигенов этой чахлой планетки и есть какие-то там радары, то засечь Имперский диверсионный корабль они всё равно вряд ли могли. Он не сомневался, что «Тень», о которой говорила девушка, была диверсионным транспортом – раз уж на нём установлен генератор невидимости.

– Старкиллер приказал открыть люк и вышел, – продолжала девушка, – просто вышел. Он сказал только, что пойдёт к источнику Силы и заберёт то, что должен.

– Он взял с собой дроида? – гораздо спокойнее спросил Вейдер.

– Нет, мой Лорд. Но он сказал, что Прокси всё записывает, у Старкиллера в комбинезоне была спрятана камера. В воротнике.

Владыка ситх молча протянул руку. Эклипс тут же достала из нагрудного кармана карту памяти, отдала Вейдеру. «Умная», – подумал Таус, внимательно разглядывая нагрудный карман.

Так же молча Вейдер прошёл за стол, сел в одно из уцелевших кресел, откинул плащ. Нагрудные индикаторы системы жизнеобеспечения мигали приветливо, как вечно слезящиеся глаза флаг-капитана Банну. Таус заворожённо наблюдал, как Вейдер вставляет карту в разъём на броне. Ему всегда хотелось иметь возможность залезать в Голосеть без помощи вычислителя или планшета. Стоишь себе на вахте, заскучал – открываешь, например, нар-шаддарский канал «твилекка+»...

Вейдер резко откинулся в кресле, матовые перчатки стиснули подлокотники, широкие плечи поочерёдно подрагивали.

Капитан поглядел на Эклипс. Девушка чуть заметно ему подмигнула.

– Безмозглый мальчишка, – негромко повторил Вейдер. Чёрные его ладони по-прежнему крепко сжимали подлокотники, но сидел он теперь ровно. – Он был слаб, когда я нашёл его. Теперь ненависть стала его силой. Он слишком привык идти напролом.

Эклипс сделала шаг вперёд, и Таус снова поразился её отваге.

– Мой Лорд, я прошу разрешения взять отделение легионеров и...

– Я займусь этим лично, лейтенант. Нам потребуется дроид-переводчик. Подготовьте «Тень».

После драки с водолазом, который сначала оказался диверсантом, а потом сварщиком, Колю было уже сложно удивить, на сегодня запас удивления казался исчерпанным.

Там, на площади, сперва его крепко скрутила набежавшая охрана. Половинкин потрогал набухший нос. Но потом ничего, разобрались. Куда унесли бесчувственного юношу, он не знал. А сам он тут же предъявил удостоверение, дал первичные показания, мол, так и так, диверсанта задержал, чего ж.

Прикатил товарищ генерал-майор Абакумов, здоровый мужик, явно и сам не дурак подражаться. Посмотрел на Половинкина, на рассыпанные цветочки. Похмыкал, забрал Колю с собой.

Поехали на Лубянку, к следователям. Коля снова всё подробно рассказывал, отвечал на вопросы. Вечерело. Следователь был ласков, предложил папиросу, потом бутерброд. Папиросу Коля взял, а вот от бутерброда пришлось отказаться: прибежал взмыленный майор и забрал

Половинкина. В коридоре коротко бросил: «Крути дырки, орден заработал», – и потащил за собой. Коля подумал, что орден, конечно, гораздо лучше бутерброда.

Поехали снова в Кремль. Коля снова отвечал на вопросы. Пришли Абакумов, товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга Меркулов – ну, этот-то явный интеллигент, – сержанту госбезопасности эти люди, конечно, были известны, но вот на личное знакомство он никак не рассчитывал. С ними седоусый гражданский по имени Евгений Оскарович. Показали Коле электрическую трубу, что он выбил из рук у диверсанта на площади. Половинкин твёрдо знал, что это оружие – но обосновать не мог. Гражданский сердился, шевелил усами, наконец ушёл. Коля думал об орденах и бутербродах. Но больше всё-таки о бутербродах. С толстой ливерной колбасой. С жареными куриными сердечками, разрезанными вдоль и смазанными сметаной. С крыжовниковым вареньем...

Додумать ему не удалось, потому что снова пришлось удивляться. Пока они вместе поднимались в бывший Сенатский дворец, товарищ Меркулов благожелательно рассказывал, что товарищ Иосиф Виссарионович Сталин живёт в Кремле с 1922 года, в 1930 тут сделали перепланировку, а центральное отопление появилось совсем недавно, до этого топили дровами, но идут они, конечно, не домой к товарищу Сталину, а в рабочий кабинет, на второй этаж.

С этого момента сержант госбезопасности, что называется, «поплыл». Слишком уж много впечатлений свалилось на парня в один день. Коля думал, что даже если получит орден – у деда в Саратове всё равно их два и ещё несколько медалей. Думал, что бес с ними, с бутербродами – не в бутербродах счастье. Думал, что Зинаида – девушка глупая, но даже если бы была умная – много девушек на свете.

А товарищ Сталин – один.

Ну ведь просто же никто не поверит, когда он будет рассказывать, как спас товарища Сталина от сварщика-диверсанта, а товарищ Сталин ему за это, может быть, даже пожал руку.

И до того ото всей этой катавасии обалдел Коля, что не мог потом вспомнить ни как шёл по коридору, украдкой ощупывая дубовые панели со вставками из карельской берёзы, ни проверявшую его охрану, ни доброе лицо товарища Поскрёбышева, как раз протиравшего синей бархоткой умную лысую голову.

Восстанавливаются Колины воспоминания вот с какого эпизода.

Стоит, значит, он по стойке «смирно!» в кабинете товарища Сталина и смотрит на стол. На столе – телефон, графин, пепельница, всякие такие полезные вещи. И, кстати, чай с бутербродами. А в центре стола – тот самый маленький сварочный аппарат, которым диверсант на площади размахивал.

За столом кругом сидят товарищи Меркулов, Абакумов, Берия... господа, Берия!.. какой «господа», я же комсомолец... Ещё какой-то незнакомый генерал-лейтенант с цепкими глазами...

И вот тут сержанта госбезопасности, что называется, «отпустило».

Потому что смотрел он прямо на товарища Сталина, а товарищ Сталин улыбался в усы, и понимал Коля, что нигде, никогда, ни за что не случится в честной его жизни ничего более важного. И даже если придётся отдать честную его жизнь за социалистическое Отечество, и если вдруг бог на небе всё-таки есть, и если Коля вдруг вознесётся на небо – даже там, на небе, не увидит Коля никого главнее товарища Сталина.

Тут товарищ Сталин снова указал ему на стул, и только Коля Половинкин выдохнул и собрался наконец присесть, как знакомые подружки-иглочки остро и беспрекословно упёрлись ему в виски. Как-то совсем нехорошо упёрлись.

Из приёмной послышался металлический хруст, крики и звуки падающих тел. Что характерно, падали эти тела не на пол, скорее разлетались по стенам и даже вроде бы к потолку. Раздался глухой треск, и Коля почему-то сразу понял, что это разваливается напополам письменный стол. Звенело стекло.

Первым среагировал незнакомый генерал-лейтенант. Подобравшись и хищно ощерившись, будто раскусил негодную цукерку, он прыжком занял позицию справа от двери. Одной рукой нашаривал он кобуру, да кобура была пуста; другой отмахнулся за спину, мол, не спи, укрывай! Абакумов с Меркуловым двигались тоже, и Берия, сидевший ко входу спиной, неудобнее всех, разворачивался вместе со стулом, на одной ножке.

Товарищ Сталин по-прежнему стоял с нераскуренной трубкой в руке. Он не казался напуганным, ни даже взволнованным. Он казался довольным.

Коля мимолётом подивился выдержке вождя, подхватил со стола тяжёлую пепельницу; в другую руку будто сам собою прыгнул маленький сварочный аппарат. Коля не знал, зачем: пепельница-то для броска была явно пригоднее.

Вопли в приёмной стихли. Умная лысая голова товарища Поскрёбышева просунулась было в кабинет, раскрыла рот – да так и сгинула обратно вместе с половинкой крепкой, тяжёлой дубовой двери. Вторая половина взорвалась ворохом древесной трухи, засыпая кабинет опилками. Бронзовые петли качнулись ещё раз и застыли, роняя гнутые шурупы.

На пороге возвышалась огромная чёрная фигура в блестящей каске, тёмном матовом нагруднике и длинном широком плаще. Руки и ноги пришельца покрывали перчатки и сапоги из плотного каучука, вроде автомобильных покрышек.

Подробнее Коля рассмотреть не успел, потому что опомнившиеся генералы не сговариваясь оттянулись от входа и как-то сами собой выстроились в тонкую линию между гигантом и товарищем Сталиным.

Гигант медленно повернул голову, и Коля понял, что вместо лица у пришельца маска со жвалами и круглыми глазами, как у огромной вши с агитплаката «Красноармеец! Берегись тифа!». Маска теперь смотрела прямо на Колю.

«Ещё один сварщик, бригадир, наверное», – подумал Половинкин, поспешно вставая в шеренгу с начальством.

«Занятные лампочки на груди», – подумал Берия, вспоминая электрические счётные устройства профессора Лебедева.

«Какой типаж для пьесы про инженера!» – подумал Меркулов, мысленно прикидывая сюжетец.

«Здоровый шкафчик, ну да не таких роняли», – подумал Абакумов, незаметно разминая трицепсы.

«Жаль, нет ледоруба хотя бы», – подумал Судоплатов, да кто ж с ледорубом ходит к Сталину.

– Присаживайтесь, товарищ, – сказал Сталин, указывая на стул.

Часть II

Заземление

Глава 4

Первое правило Кирхгофа

Старкиллер молча страдал, отвернувшись к стене и уткнувшись лбом в твёрдый холодный пластик койки. Действие веществ, которыми его напичкали сразу после неудачной попытки проникнуть в крепость местных неправильных ситхов, понемногу заканчивалось. В голове прояснялось, тошнить уже не тянуло. Но унижение-то никуда не делось.

Унижение было чудовищное.

Старкиллер не был ни мыслителем, ни визионером, не обладал сколь-нибудь достаточным для глубоких онтологических выводов жизненным опытом. Он был убийцей, очень хорошим убийцей. Может быть, одним из лучших, и твёрдо собирался стать лучшим. Он чувствовал – он всегда чувствовал – угрозу и устранял её. Под угрозой – в широком смысле – понимался источник любого нежелательного возмущения в Силе, потому что единственным носителем Силы в Галактике должен был быть его господин, Лорд Вейдер. Может быть, ещё Император Палпатин, но тут юноша не был так уж уверен – Императора он не знал и обязан ему не был ничем. А Вейдер... Вейдер заменил ему родителей. Он спас Старкиллера, когда тот ещё не носил своего грозного имени, от нападения подлых мятежников. Он воспитывал его, учил сражаться и владеть Силой. Вейдер, рискуя собственным положением и, вероятно, жизнью, берёг его от шпионов Императора, укрывая сперва на отдалённых планетах и лунах, наконец, на величайшем боевом корабле в истории – возможно, более мощном, чем легендарный «Вилн», – собственном флагмане «Палаче». Это был немалый риск: сеть агентов Императора раскинулась по всей Галактике, никто не мог чувствовать себя в безопасности даже в глубоких трюмах ещё не достроенного линкора.

Гигантский корабль возводили на орбите – такой монстр никогда не познает поверхности, ему не суждено отдать свою посадочную ногу. Обитаемый объём был собран и введён в режим ограниченного функционирования задолго до завершения работ над боевым, и в глубине алустиловых лабиринтов одинокий юноша проводил жизнь в жестоких тренировочных схватках с дроидами, просмотре учебных голокронов, бесконечных боевых медитациях. Развлечёния не были доступны ему, да и не были интересны: жизнь ситха слишком коротка, чтобы тратить её на развлечения... любая жизнь слишком коротка.

«Тень» тряхнуло. Старкиллер поморщился и снова растёр запястья. Изуродованная ожогами световых мечей кожа почти не чувствовала боли, но суставы слишком долго остававшихся в кандалах рук чувствовали каждую воздушную яму. Подъём затянулся: в атмосфере скорость даже самых мощных космических кораблей была ограничена. Лорд Вейдер, который редко упускал возможность попрактиковаться в пилотировании, отобрал штурвал у лейтенанта Эклипс.

Эклипс.

Впервые он увидел её только накануне катастрофы. Предыдущий пилот, вздумавший смеху ради раскритиковать упражнения Старкиллера в Соресу, лишился последовательно рук, ног и – после небольшой назидательной паузы – головы, к тому времени уже сорвавшей голосовые связки в тонком захлёбывающемся, но бесполезном крике. Б-андроиды смели мусор в вакуумную шахту.

На следующий день у трапа «Разбойной тени» его встречала высокая светловолосая девушка в идеально сидящей форме лейтенанта Имперского флота. Он не сразу поверил, что это и есть его новый пилот, но девушка уверенно сказала: «Приказ мне ясен. Поддерживать работоспособность корабля и вести его туда, куда потребует боевая задача». Ответ устроил Старкиллера. Может быть, хоть эта проживёт подольше.

Ему нравилось смотреть на Эклипс, и он решил, что девушка красива. Она спокойно отвечала на его взгляд, и Старкиллер отвёл глаза, предпочитая думать о предстоящей работе.

«Хозяин, – сказал тогда Прокси, – боюсь, её будет невозможно перепрограммировать».

Верный Прокси прежде всегда был рядом, но теперь с наспех загруженным модулем перевода остался внизу, в чужой крепости. Без него будет скучнее.

Лица живых людей юноша видел редко, если не считать чёрной маски Учителя. Но и Лорд Вейдер находил для него время нечасто – Владыка ситх вынужден был бесконечно скитаться по Галактике, от Корусанта до Внешнего Предела, выкорчёвывая затаившихся сторонников Совета джедаев, выжигая мятежную скверну.

Ночами юноша закрывал глаза, прислонялся подушечками пальцев к металлу переборки и слушал далёкий гул мобильных стапелей, треск сварочных аппаратов, вкрадчивый и монотонный звук нараставших на скелете огромного корабля мускулов, кожи, когтей, органов чувств – «ж-ж-ж...».

Старкиллер понимал, что всё это неспроста.

Ради него Вейдер нарушил даже старинное и свято соблюдаемое правило ситхов – закон Бейна. Юноша гордился учителем и себя самого искренно полагал лишь инструментом в руках мастера.

Теперь инструмент подвёл хозяина. Физическая боль, в которой за долгие годы тренировок он привык находить спасение, сейчас почти не отвлекала.

Заведующий Особым сектором ЦК Александр Николаевич Поскрёбышев – по первой профессии фельдшер, юридическое и экономическое образование получил он много позже – от госпитализации отказался и сейчас руководил рабочими, зорко вертя залеплённой пластырями головой. Восстановление приёмной было почти завершено, оставалось подогнать порожки дверей, ведущих в кабинет Самого.

Иосиф Виссарионович отдыхал внизу. Поскрёбышев знал, что отдых долго не продлится: даже после таких... необычных переговоров, даже мучимый жестокой простудой, Сталин праздности не терпел.

Убеждённый старый большевик, он твёрдо верил в необходимость и благотворность насилия, прежде всего – над самим собой. А постоянная готовность принудить к работе себя даёт право принуждать к ней других. Сталин знал, что люди глупы – если не найдётся что-то или кто-то, способный принудить их стать умными. Железной рукой! Иначе большинство только и делают, что чураются любой разумной мысли и дно бутылки ищут.

Сталин не любил насилие. Но иного выхода пока не было. Через не хочу, через не могу, через лень, страх и боль.

К слову, больным Сталин уже не выглядел, словно его исцелило и взбодрило сильнейшее потрясение недавних часов – шутка ли, встреча с братьями по разуму. Ну и что, что эти братья в пух и прах разнесли приёмную? Деревенский парень Поскрёбышев хорошо знал: в большой семье бывает всяко. А космос у них там, судя по всему, большой, да и воюют, похоже, часто.

Девятнадцать километров.

Поскрёбышев покачал головой. Корабль длиной в девятнадцать километров.

Тысячи планет.

Миллиарды, может быть, миллиарды миллиардов людей.

И при этом – такие провинциальные нравы.

Над Поскрёбышевым частенько посмеивались – за его простоту, некоторую мужиковатость, – но сам он никогда не стеснялся деревенского происхождения, не рвался изобразить тонкую натуру. Всегда помнил: оторвёшься от корней – засохнешь.

Но даже его удивило безмерно: вот так дуриком вломиться в Кремль, как в жалкие воротца какой-нибудь средневековой крепостишки. В Европе ж раньше как было: две деревни – «король», три – «анператор». А тут-то не император – а сам товарищ Сталин.

Хотя кабинет, конечно, всё одно разгромили.

Александр Николаевич критически осмотрел новодел: всё ли так. Обладая от природы почти абсолютной памятью, он ничего не забывал, но, правду молвить, звук разбиваемой собственным черепом дубовой двери предпочёл бы не вспоминать.

Непроизвольно проведя рукой по затылку, он снова покосился на дверь соседнего кабинета. Там спешно оборудовали место для работа. Железяку оставил чёрный хулиган по фамилии Вейдер.

* * *

Владыка ситх мерно сжимал и разжимал ладони. Обнажённую кожу головы и плеч оведал лёгкий ветерок – к счастью, палата медитации в его каюте, укрытой глубоко в недрах обитаемого объёма, при диверсии не пострадала. Вейдер месяцами мог обходиться без такого мощиона, долг Империи часто забрасывал его в места, где не было барогазовой камеры. Его искалеченное, покрытое искусственной кожей тело существовало в коконе брони, с помощью системы жизнеобеспечения и кибернетических протезов; но вернее всего жизнь тёмного джедая питала неугасимая ярость.

Ярость позволила ему перенести раны, смертельные для любого другого живого существа. Ярость помогла оправиться от повреждений. Ярость питала разум. На фоне этой великой ярости было почти незаметно сегодняшнее разочарование глупостью и самонадеянностью его ученика.

Возможно, он был плохим учителем. Возможно, недостаточно было дать ученику грозное имя – Старкиллер! – и превратить его жизнь в бесконечную череду схваток и испытаний. Возможно, он действительно привык воспринимать Галена как своего сына – сына, которого у него никогда не было.

Как все по-настоящему сильные люди, Владыка ситх презирал ложь, особенно – ложь самому себе. Он сознавал, что ближе Галена у него действительно никого нет. Отправить юношу в самостоятельную миссию на эту планету было ошибкой.

Он и сам чувствовал – он всегда чувствовал – великое нестроение. Планета стояла на пересечении слишком многих путей Силы. Не так, как знаменитые Альферидис или Катарр, не так, как Малакор V. Нет, здесь Сила спала, но страшен был её внимательный сон, смертельно рисковал вольный или невольный возмутитель её спокойствия. Но и подлинного величия мог достичь лишь тот живой, кто не боялся проснуться.

Как знать, возможно, именно эта неправильная Сила и не позволила Старкиллеру добиться задуманного.

Вейдер глубоко вздохнул, раскрыл глаза. Привычно отвёл взгляд от собственного отражения на блестящих стенах медитационной палаты. Тело его ученика было испещрено шрамами. Тело учителя было одним большим шрамом.

Тёмный джедай усмехнулся. Мальчишке только предстояло познать боль. Но иначе настоящим ситхом не стать.

Вейдер снова задумался об Истинных ситхах – легендарной древней расе гигантов. Согласно преданиям, их власть над Силой превосходила мыслимые пределы. Истинные ситхи

даже владели секретом бессмертия. В своё время Палпатин, тогда ещё не успевший стать Императором, привёл его на Тёмную сторону Силы, пообещав открыть секрет вечной жизни.

Вейдер давно понял, что это было обманом. Сила не нарушает физических законов Вселенной. Сила лишь управляет вероятностью.

Бессмертия не существует.

Можно быть гениальным писателем или знаменитым полководцем, изощрённым политиком или непобедимым любовником, блестящим художником или великим учёным – личного бессмертия тебе не достичь. Может быть, не существует даже вечного покоя.

Ему требовался куда более полноценный отдых, чем был сейчас позволителен. И дело было даже не в диверсии, нерасчётном гиперпереходе или потере почти всего командного состава. Нет: ему самому пришлось спуститься на поверхность, и это заурядное путешествие отняло слишком много сил.

Лейтенант Эклипс, пилот «Разбойной тени», филигранно посадила замаскированный корабль прямо на площадку перед невысоким строгим зданием в цитадели с тёмно-алыми, горящими, как Сердце Бейна на древних голокронах, звёздами на башнях. Вечерело. Вейдера вела Сила, он сам указал точное место касания и мимолётно подумал, что, кажется, эта строгая девчонка продержится со Старкиллером подольше её предшественников.

Одним движением руки разметав немногочисленную охрану, Владыка ситх неторопливо поднялся по широкой мраморной лестнице. Сила безошибочно вела его к центру этого мира – мира, который он должен был покорить, несмотря ни на что. Сзади неровной трусой торопился наскоро перемонтированный Прокси – стандартные дроиды-переводчики могли не выдержать вероятных повреждений, да и нужен был пока всего один местный язык.

Вейдер высадил высокие, обитые потемневшим от непогоды и времени металлом створки дверей.

Ещё охрана, лестница, люди, комнаты, двери.

Разваленный напополам ударом Силы тяжёлый письменный стол.

Маленький человек, летящий прозрачный сосуд, свист дыхания, удар. Древесная труха – как тогда, на Кашиике.

И пятеро стоящих в ряд человек, своими телами закрывающих от угрозы ещё одного, невысокого, очень спокойного человека с жёлтыми глазами победителя.

Ярость вдруг схлынула, пришла усталость. Хотелось прислониться к запылённой стене и закрыть глаза, но впереди улыбался в усы центр мира, и пятеро легендарных воинов ждали, и было ясно, что привычные агрессивные переговоры на этот раз удачной идеей не станут.

Вейдер почувствовал зависть и мгновенный укол тоски о возможном, несбывшемся. У него был Старкиллер, но учеником управлял рабский страх, а не подлинная, осознанная преданность. Некогда на арене Геонозиса так же прикрывали их с Падме немногочисленные джедаи. Но у джедаев были хотя бы мечи; у этих же людей оружия не было – только крепкий светлокожий паренёк, стоящий с краю, успел неуловимым движением Силы стянуть со стола световой меч... да, меч Старкиллера. Впрочем, парень не был джедаем; никто из застывших перед ним людей не сумел бы остановить Владыку ситха.

И всё же каждый из них стоял с таким видом, будто, играя в какую-то игру, говорил: ты не пройдёшь.

Прокси безнадежно отстал, и когда человек с прищуренными жёлтыми глазами что-то произнёс, Вейдер понял его по движению суховатой руки и по интонации. Владыка ситх прошёл к столу и осторожно опустил своё большое страшное усталое тело в одно из кресел.

Из приёмной донёсся стон отважного маленького человека и приглушённый лязг суставов подоспевшего Прокси.

– Занятное устройство, весьма занятное, – протянул старательно лысеющий молодой человек в интеллигентных круглых очках, – говорите, необходимо определить режим электрического питания?

Он ещё раз обошёл кругом занятное устройство, отдалённо напомилавшее костлявого человека, собранного из металла и вроде бы разноцветного эбонита.

Занятное устройство дружелюбно поморгало фоторецепторами.

Конечно, Пётр Сергеевич Жданов, к тому времени уже признанный специалист в области электричества, был знаком с пьесой «Россумские универсальные роботы» чехословацкого писателя Карела Чапека. У них в институте эта работа вызвала жаркие дискуссии – как в преподавательской среде, так и меж студентов. Такое время – всем интересно всё. Роботы – ещё как интересны.

Жданов был на самом взлёте своей блестящей карьеры. В прошлом году он защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата технических наук, в этом, 1941-м, докторская степень была присуждена ему – редчайший случай – без защиты, по совокупности достижений.

При этом назвать его карьеристом не повернулся бы язык у самого недоброжелательного из недоброжелателей: с достижениями всё было действительно весьма и весьма. Жданов работал в ВЭИ, параллельно преподавал в Московском энергетическом, был утверждён в звании профессора по специальности «Передача и распределение электрической энергии». Его труды по теории устойчивости электрических систем на долгие десятилетия определили такое симпатичное лицо советской энергетики. Студенты любили, коллеги уважали... НКВД, как выяснилось, нуждался.

Пётр Сергеевич, конечно, не испугался, когда поздно вечером за ним прикатили аж две служебные машины – кто же в Советской стране станет бояться НКВД, – но некоторое волнение, знаете ли, испытал: сложно не волноваться, когда тебя везут в Кремль, заставляют дать подписку о неразглашении и после краткого инструктажа под белы манжеты тащат на второй этаж, где в особо огороженном закутке стоит, знаете ли, робот. И не просто робот, а он ещё свободно двигается, довольно бодро разговаривает по-русски, умеет рисовать, и его замечательные окуляры так похожи на твои собственные круглые очки.

Выяснилось, что этот робот по имени Прокси нуждается в электропитании. Розеток в Кремле было, конечно, в достатке, но, согласитесь, не всякая же розетка подойдёт роботу. В СССР того времени номинальное напряжение распределительной сети составляло 127 Вольт частотой 50 Герц – а вдруг у робота 24 Вольта на 400 Герц, как на морских судах? Сгорит ведь ценный говорящий прибор.

– Вы сумеете разобраться? – прямо спросил его крепкий, кажется, генерал госбезопасности, неотрывно присутствовавший с первого момента работы. – Прибор инопланетного происхождения, чрезвычайно дорогой и чрезвычайно важный для страны.

Пётр Сергеевич не обиделся. Он уже чувствовал – он всегда чувствовал – задачу, а никаких, сколь угодно сложных задач отродясь не боялся.

– Справлюсь, товарищ, кажется, генерал.

Кажется генерал чуть поморщился.

– Электротехника – это ведь, в сущности, очень просто, – безмятежно продолжал профессор. – Всё, что требуется в общем случае, это рассчитать баланс токов. Ну, как и куда они текут, фазы, величины, знаете ли.

– И куда они текут? – подозрительно спросил генерал.

– Да, в сущности, куда угодно, но только по проводникам, по диэлектрикам не текут. А величину тока в каждом проводнике определяет первое правило Кирхгофа, был такой учёный.

– Немец?

– Да, но давно.

– Тогда ладно, – успокоился генерал, – и что же Кирхгоф?

– А первое правило Кирхгофа гласит, что сумма токов в узле – это где проводники соединяются – равна нулю. В сущности, всё просто: сколько электроэнергии в узел пришло, столько и должно вытечь, понимаете?

– Несложно. Две силы соединяются – и вместе вдвое сильней.

– Именно! А студенты многие, представьте, не могут усвоить.

– Студенты, – хмыкнул генерал, хрустя костяшками пальцев, – в армию всех, дармоедов. Значит, товарищ Жданов, вы приступайте к общению, этот робот примерно владеет русским в объёме курса Главсоцвоса.

К сожалению, робот Прокси изучал русский язык по радиопередачам, а по радио, знаете ли, довольно редко рассказывают о соотношении систем физических единиц, принятых в разных галактиках. Телевизионные передачи со звуком, регулярно выдаваемые в московский эфир на средних волнах аж с октября 1931 года, тоже помогали слабо. Оставалось, знаете ли, графическое представление электрических параметров.

Прокси увлечённо рисовал на листочке бумаги синусоиды, меандры и круговые диаграммы. Жданов увлечённо переспрашивал, прикидывая схему переходного устройства. Разумные формы жизни нашли друг друга.

Через пару часов основные технические вопросы были решены, коллеги перешли к вопросам философским.

– Да, люди глупы, – со вздохом говорил Жданов, перепроверя расчёты. – Если бы человечество тратило время на действительно полезные вещи, мы тоже давно бы покорили звёзды.

Надо было спешить: Жданову уже намекнули, что сам товарищ Сталин сейчас не спит, ожидает результатов его изысканий.

Пётр Сергеевич снял очки, протёр носовым платком. Снова надел. Посмотрел на часы. Было 3 часа 34 минуты утра 22 июня 1941 года.

Так вот и вышло, что начало войны Иосиф Виссарионович Сталин встретил в своём рабочем кабинете, на втором этаже бывшего Сенатского дворца.

Глава 5

Второе правило Кирхгофа

– Час назад Владыка Сталин известил меня о начале боевых действий. От лица Империи я заключил союз с Державой СССР. Империя будет верна союзническому долгу.

– Корабль серьёзно повреждён, мой Лорд. Мы не можем...

– «Палачу» не придётся вести войну в пространстве, капитан. У противодействующих сторон нет ни спутниковой группировки, ни эффективных зенитных сил.

Капитан Игнази пытался понять намерения Вейдера.

– Мой Лорд, у нас практически нет боеготовой палубной техники, а в десантных легионах осталось менее трёх тысяч бойцов.

– Пусть вас это не беспокоит, капитан Ингази. Подготовьте «Палач» к коррекции положения. Мы проведём орбитальную бомбардировку.

Подождав, пока за по-прежнему недоумевающим Таусом закроется дверь, Старкиллер в очередной раз тихо произнёс:

– Меч, господин. Он забрал мой световой меч.

В несколько быстрых шагов Вейдер приблизился к ученику. Лязгнул металл, низко загудел энергетический контур. Раскалённое лезвие светового меча почти коснулось лица Старкиллера.

Юноша упал на колени.

– Ты подвёл меня. Световой меч – это твоя жизнь, – глухо проговорил Вейдер. – Ты вернёшь его себе.

Старкиллер поднял взгляд.

– Но не теперь, – продолжил Вейдер. – Сейчас нам нужен этот союз.

Тёмный джедай медленно отвёл оружие. Юноша вздохнул, чувствуя, как уходит волна багрового жара. Смерти он давно уже не боялся.

– Мы можем уничтожить их всех. Растоптать всю планету.

Вейдер отключил меч, снова сжал кулаки и отвернулся к панораме. Далеко в пространстве, почти теряясь на фоне громадного корабля, мелькали ионные движки ремонтных дроидов, сыпались искры сварки. Тёмно-голубая, в разводах облаков планета внизу казалась совсем безобидной. Но Вейдер видел много таких планет.

– Император ждёт «Палач». Мы не можем восстановить системы корабля собственными силами и без необходимых ресурсов. Постройка базы и освоение поверхности займёт слишком много времени.

– Учитель, мы можем силой принудить их отдать всё.

– Ты был внизу, – по-прежнему отвернувшись, произнёс Вейдер. – Ты видел Гробницу. Ты видел звёзды на башнях.

Учитель и ученик, два тёмных джедая, замолчали.

– Большевики, марксисты, – Вейдер произнёс эти слова по-русски, как бы пробуя на вкус. Земной язык по фонетике не так уж отличался от стандарта.

Он наконец повернулся к юноше.

– Уничтожение – естественный путь. Сильные вытесняют слабых. Они ещё не знают о спящей в них Силе. Этот вид слишком фанатичен. В результате войны он не слабеет, а становится сильнее, его фанатизм и вера в победу не уменьшаются, но увеличиваются. Мы будем действовать другим путём.

– Как это сделать? – тихо спросил внимательно слушавший Старкиллер. – Их Сила не всегда будет бездействовать.

– Их Сила спит, но горит даже во сне, до предела разжигая их фанатизм. Этот вид, эти большевики захлёбываются в своей гордости, в своей преданности и патриотизме, в вере и любви. Их не сломить оружием.

Старкиллер вспомнил глаза бросающегося прямо на световой меч человека.

Вейдер вспомнил глаза вставших перед ним в ряд земных воинов... и жёлтые чуть прищуренные глаза их владыки.

– Они готовы идти в бой, не задумываясь о гибели, – сказал он. – Мы поставим их на службу Императору, превратим эту планету в форпост Империи.

– Учитель... не всех можно привести на Тёмную сторону.

– У остальных мы разорвём их связь с Силой, вырвем эти духовные корни большевизма! Мы будем опошлять и уничтожать главные основы народной нравственности. Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её! – В круглых тёмных провалах глаз его маски, казалось, плескался, полыхал яростный огонь.

– Потребуется время, – сказал Старкиллер.

– Мы бросим всю мощь Империи на оболванивание и одурачивание людей. Сознание способно к изменению. Посеяв хаос, мы подменим земные ценности на фальшивые и заставим поверить в них. Уничтожим этот монолит, низведём до примитива, растопчем идеалы. Без власти большевиков их вид отупеет и в конце концов превратится в стадо скотов.

Резким движением он поднял сжатую в кулак ладонь, указывая на Землю, неторопливо всплывающую в панораму.

– Так победим!

Старкиллеру на мгновение показалось, будто Владыка ситх цитирует какой-то древний голокрон.

– Они воюют между собой, Земля разобщена, – осторожно заметил юноша. – Мы могли бы найти союзников и помощников среди других народов планеты.

– В других народах нет Силы. Они до сих пор существуют лишь потому, что большевики, – Вейдер снова использовал русский, – большевики ещё не осознали своей связи с Силой. Он наклонился к ученику.

– Мы нанесём удар, когда Владыка Сталин менее всего будет ожидать этого. Но сначала нам необходимо восстановить «Палач».

– Да, господин.

– Ты хороший боец. Но плохой дипломат.

Ученик поднял голову, но Вейдер не дал ему ответить.

– Все эти годы ты готовился к другой миссии. Теперь Сила выбрала твой путь. Мне нужен шпион на поверхности.

– Там остался...

– Они наверняка уже догадались. – Он повернулся к Старкиллеру. – Ты полетишь к Владыке Сталину.

– Да, господин.

– Ты не сможешь справиться с ним самим. Найди слабинку в его учениках.

– Да, господин.

– Ты заверишь его, что Империя в полной мере выполнит свои обязательства. Мы вступаем в войну на стороне Державы СССР.

На самом-то деле война началась много раньше даже артобстрела советской территории. Диверсионные группы – знаменитый «Бранденбург-800» – были заброшены и приступили к действиям за несколько дней. А вечером 21 июня немецкие минные заградители вышли из финских портов, чтобы выставить мины на Балтике. Упрямый архангельский мужик, адмирал

флота Николай Герасимович Кузнецов, необходимость в проявлениях героизма среди рядового состава всегда полагал следствием скверной работы командования. Поэтому невеликий Советский ВМФ готовился к войне, как к работе, и встретил нападение организовано и эффективно, не испытав потерь в кораблях и морской авиации. Но исход схватки двух теллурократий решался на суше, многим морякам пришлось геройствовать на берегу.

Лётчикам повезло немногим больше: умирать и убивать за Родину можно было согласно ВУС, стратегического превосходства германская авиация не имела нигде.

Но немцы и не делали ставку на стратегию, их козырем в этой войне была тактика. План «Барбаросса» предполагал стремительное продвижение на территорию СССР по путям наименьшего сопротивления, иссечение коммуникаций, деморализацию личного состава, быстрое окружение разбитых частей и уничтожение их в котлах. Разработчик плана, генерал Фридрих Паулюс надеялся всего за пару-тройку месяцев так перемолоть РККА, чтобы продолжение войны оказалось для России невозможным. После этого геноцид русских, белорусов и малороссов превратился бы в существенно более простое и весёлое занятие.

Артподготовка и авианалёты начались ночью, в половине четвёртого.

Еще через полчаса Иоахим фон Риббентроп, министр иностранных дел Германии, высокомерно дёргая подбородком, объявил советскому послу Владимиру Георгиевичу Деканозову о начале войны. Ещё через полтора часа Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург, германский посол в Москве, с тяжёлым сердцем – он всегда был противником войны с СССР – сделает такое же заявление. К тому времени бои шли практически по всей протяжённости границы, хотя решительные наступательные действия предпринимались лишь на нескольких участках.

Вместе с Германией в войну против СССР вступили Италия и Румыния. На следующий день – Словакия. Финляндия изготовилась к началу военных действий 24 июня, по указке из Берлина; Венгрия объявила войну 27 июня. «Голубая», как меч правоверного джедая, испанская дивизия вступила в крестовый поход уже позже, в сентябре.

На юге рыпнулись было румыны, но быстро получили по сусалам. Только позже, уже к осени 1941 года мамалыжники соберутся оккупировать занятую для них трудягами-немцами Молдавию и радостно приступить к выполнению своей части плана по геноциду советского народа.

Но юг пока держался, основные удары были направлены севернее.

3-я танковая группа генерала Германа Гота в составе Группы армий «Центр» под началом Федора фон Бока атаковала Литву. 9-я армия за два дня упорных боёв, в лобовом наступлении преодолев сопротивление советской 3-й армии, заняла Гродно. 4-я армия фельдмаршала Клюге подrezала Белостокский выступ, к 24 июня заняв Бельск.

Веселее всего было в Бресте. 2-я танковая группа генерал-полковника Гейнца Гудериана атаковала 4-ю армию РККА. Фактически организованное сопротивление защитников города было сломлено всего за несколько часов. Но история Брестской крепости на этом не закончилась; она только начиналась.

Нельзя сказать, будто советские войска не предпринимали попыток контрнаступления. Бои в Белоруссии шли жесточайшие. Но в каждом бою кто-то побеждает, кто-то проигрывает. В тот раз победили немцы.

Поражение РККА казалось настолько чудовищным, что любая другая армия прекратила бы своё существование, забирая с собой в небытие и страну, и народ. Вот только Россия слабо похожа на любую другую страну.

В совсем ином мире, много лет спустя великий воин Иван Никитович Кожедуб, совсем тогда уже старый, с ненавистью глядя на бесноватое стадо в зале, сказал бы с трибуны Верховного Совета: «Русские всегда побеждают». В той истории, в том Совете русские были в явном меньшинстве, и зал встретил его слова визгом, свистом и бесстыдным обезьяньим улюлюканьем.

Но это было в той истории. Наша пошла совсем иначе.

Новая, повышенной прочности дверь в кабинет Председателя Совнаркома в этот день практически не закрывалась. Сейчас напротив Сталина сидел единственный посетитель – Вячеслав Михайлович Молотов, Народный комиссар иностранных дел СССР, член Центрального Комитета ВКП(б). На экстренном заседании Политбюро Сталин наотрез отказался читать радиционное обращение к советскому народу, мотивируя это неясностью ситуации. Он всегда был осторожен – понимал, каким мощным управляющим воздействием могут оказаться неудачные или просто неосторожные слова. Сейчас к этой осторожности добавилось знание о новом козыре в колоде.

Конечно, сохранить в полной тайне факт сношений с инопланетной силой было невозможно. Однако Молотов точной информацией не обладал, как не обладал и достаточной фантазией, способной заменить факты. Он всегда был просто добросовестным исполнителем.

Утирая с широкого лба нервный пот, Молотов снова попытался убедить Сталина:

– Иосиф Виссарионович, выступать должен ты. Что народ подумает?

Сталин сделал нетерпеливое движение рукой и повторил:

– Вячеслав, речь будешь читать ты. Я всё ещё простужен, послушай мой голос. Нельзя допустить, чтобы советские граждане решили, будто товарищ Сталин напуган или растерян.

Молотов тяжело вздохнул. Сам-то он был и растерян, и напуган – но долгий дипломатический опыт приучает ко всему. Да и бессмысленно было опускать руки, работая рядом со Сталиным.

– Речь мы подготовили хорошую, – продолжал Сталин. Он поднял лист бумаги к глазам и прочитал последние слова текста:

– «Сила с нами. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Молотов почувствовал бегущий по спине холодок, подумал, что никогда не сумеет произнести эти слова с такой же интонацией. Он всегда был лишь учеником. Снова вздохнул, поднялся из-за стола, одёрнул пиджак. Пора было идти в радионую студию: до двенадцати часов оставалось всего ничего.

– Иосиф Виссарионович, – начал было он, но Сталин только нетерпеливо дёрнул щекой, быстро просматривая документы.

Его ждал Лаврентий, ждали Шапошников, Тимошенко и Жуков. Ждал Вышинский. Ждал Георгий Димитров.

А потом его ожидали переговоры с новым союзником, и уж на этих переговорах заменить его было нечем. Пора было открывать Второй фронт.

Эту ночь Коля провёл в казармах кремлёвского полка охраны – не было ни сил, ни времени на дорогу домой. Доедай и ложись, сказали ему, не суетись, уж койка-то найдётся. Вчера сержант, сегодня уже лейтенант, Коля понимал, что такое гостеприимство связано ещё и с необходимостью сохранения государственной военной тайны – не всякий-то день марсиане к товарищу Сталину залетают, – но заснул неожиданно легко и снов не видел. На соседних койках старательно храпели крепкие товарищи с подкупающе-честными лицами волкодавов. Однако уже через пару часов пришлось вместе со всеми вскакивать по тревоге.

Фашистская Германия бомбила наши города, перешла границу.

Коля не боялся войны. Он давно понимал, что война неизбежна. Буржуи ведь не потеряют, чтоб на планете, которую они привыкли безнаказанно грабить и считать своей собственностью, вдруг появилась новая свободная сила. Империалистические страны не могут существовать без эксплуатации более слабых и отсталых народов – это ещё Карл Маркс сказал.

А сейчас, когда русские нашли свою собственную звёздную дорогу...

Коля читал Циолковского и Беляева, помнил слова про колыбель человечества. Он твёрдо верил, что из всех землян никто-никто, кроме советского человека, не взлетит в небо

первым. Потом, когда уж остальные увидят, как советская ракета поднимается в небо на ревущем столбе слепяще-чистого голубого огня, – конечно, и они все постараются ухватиться за небо. Но если наши соколы гордо и свободно пронесутся над Землёй на расправленных крыльях, то иностранные страны примутся выплёвывать своих граждан в небо, как шелуху от семечек – погуще, со слюнями и трескотнёй. Может быть, даже рабов – плачущих негров в набедренных повязках и тесных ржавых ошейниках. Капитализм ведь особенно ничем от рабовладения не отличается, такое же подлое болото – это ещё Фридрих Энгельс сказал.

Вовсе неудивительно, что теперь не куда-нибудь, а именно к ним, в Страну Советов, прибыл огромный грозный и величественный инопланетный корабль. Пусть и немного пострадавший в схватке с какими-то тамошними мятежниками.

Хотя надо было ещё разобраться, что это за мятежники. Вдруг как в «Аэлите»? Слово «Империя», произнёсённое вчера марсианским железным роботом, неприятно царапнуло слух. Как же это они, бедолаги, бороздят космос, а сами всё ещё в каких-то Средних веках? И до сих пор не избавились от войн...

Коля не боялся войны. Вот натравили на нас англичане дурака Гитлера – повоюем, чего ж. Как там у знаменитого пролетарского поэта Демьяна Бедного: «Мир для мира! это враки – не помиримся без драки». И марсиане нам помогут.

Ну вот опять: «марсиане». Надо всё же отвыкать, никакие это не марсиане. Они прибыли с гораздо более далёкой планеты, так сказал Коле сам говорящий робот.

Вчера Половинкин помогал устанавливать прибор для питания Прокси от обычной розетки. Простенькое устройство на лампах уже ночью спаяли двое кремлёвских радиотехников по схеме, составленной товарищем профессором Ждановым.

Умный товарищ, ничего не скажешь, хотя лицом и хлипковат. Это он объяснил Коле, почему у Прокси так быстро разряжается собственная аккумуляторная батарея.

– Прокси ведь перепайвали сами товарищи... э, гости, – сказал Жданов, – в спешке, знаете ли, на ходу. Ну и неправильно замкнули контур – это, условно говоря, кольцо из проводников. В начале проводника одно напряжение, в конце другое – называется «падение напряжения». За счёт этой разности и течёт ток.

От собственных слов он поморщился и поправил очки.

– Дело, знаете ли, в том, что сумма падений напряжений в контуре равна нулю. Так гласит второе правило Кирхгофа, это учёный немецкий, но давно. Этих контуров в электрической схеме обычно много, но ток всегда выбирает самый простой путь – наименьшего сопротивления.

«Глупо, – подумал Коля, – на самом простом пути все интересное уже разобрали».

– И вот, видимо, неправильно замкнули, – воодушевлённо продолжал Пётр Сергеевич, – ток течёт не туда и полезной работы сделать уже не способен.

Профессор говорил с Колей как со студентом: медленно, выбирая простые слова. Это было обидно.

– Что ж они нормально не спаяли? Слабо, что ли?

– Ну почему «слабо»? – удивился профессор. – Просто торопились, знаете ли, вступить в контакт с советским правительством. Благие намерения часто приводят к плачевным последствиям.

– Понятное дело, – сказал Коля, – быстро только кошки родятся.

– Можно и так сформулировать, да. В сущности, Проша ведь не переводчик, он дроид протокола. – Профессор погладил робота по железному боку, наблюдая, как Коля подтаскивает поближе ящик с трансформатором. – Это, знаете ли, вроде дворецкого при старом режиме, только электрический.

Коле нравилось электричество. Ему вообще было интересно всё техническое, но ведь невозможно объять необъятное – это тоже какой-то мудрец сказал, кажется...

– Лейтенант Половинкин!

Коля встряхнул головой, отвлекаясь от несвоевременных мыслей, и автоматически встал смирно.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант!

– Это я удачно зашёл, – сказал Судоплатов, потирая воспалённые от недосыпа глаза, – ты-то мне и нужен.

Коля понял, что жизнь опять завертелась, и порадовался, что успел начистить сапоги.

– Пойдём-ка, – поманил его пальцем генерал, – по дороге объясню.

Но идти было всего ничего, и Судоплатов объяснить не успел. Объяснил сам товарищ Сталин.

Глава 6

Третье правило Кирхгофа

1

23 июня, когда стало ясно, что демократичный стиль руководства, столь свойственный И. В. Сталину, решительно не годится для твёрдо намеренной выиграть войну державы, была создана Ставка Главного Командования. Потом её переименуют сперва в Ставку Верховного Командования, затем в Ставку Верховного Главнокомандования. Но цель её существования останется прежней: сосредоточить руководство страной в руках одного военного, политического и гражданского лидера.

Этой же цели было подчинено образование Государственного Комитета Обороны, когда Берия собрал представителей высшего руководства страны и при их поддержке практически вынудил Сталина возглавить новую структуру. Объявили, что ГКО создан для централизации власти; в действительности же было необходимо забрать армию из рук растерявшихся генералов. Конечно, растерялись не все. Но многие: фронт рушился, начинался «великий драп». Советскую армию любой ценой было необходимо удержать от превращения в блеющее стадо поляков, французов и англичан. Кроме Иосифа Виссарионовича, сделать это было некому.

Сталин всю жизнь избегал власти ради власти, чурался атрибутов личного могущества и брезговал рангами. Искренно полагая ранги забавой для обезьян, он знал, что человек разумный должен цениться лишь за способности. Потому и работали при нём социальные лифты: Вейдер мог назначить капитаном космического корабля двадцатичетырёхлетнего сопляка; Сталин – сделать наркомом едва разменявшего четвёртый десяток... тоже, в общем-то, не старца. Конечно, совсем не считаться с авторитетом тех или иных лиц было нельзя: лишь потому хотя бы, что он всё же обычно бывал обусловлен прежними их заслугами и достижениями.

Но сейчас в мире не было высшего авторитета, чем авторитет самого Сталина. Он был прав. Сила его и его авторитет проистекали из этой великой правоты.

Может быть, на всякую умную силу сыщется предостаточно трусости, дури, предательства и просто разгильдяйства. Что бы ни говорили и ни писали потом, летом 1941 именно генералитет убеждал Сталина в отсутствии военной угрозы со стороны Германии. Мол, до завершения войны на Западе Гитлер нападать не рискнёт.

Может быть, страус – птица исконно русская. Именно генералитет до самого последнего момента, даже 21 июня, противился мерам по приведению войск приграничных округов в полную боевую готовность.

Может быть, и правда, единственно возможная демократия – это диктатура. Именно Сталин – а не командование РККА – понял и почувствовал неизбежность нападения, заставил отменить увольнительные, подготовиться к оборонительным боям, провести скрытую мобилизацию.

Блистательные, увешанные «испанскими» орденами и волевыми подбородками маршалы пили, заводили гаремы, матом и рукоприкладством требовали от подчинённых «не паниковать».

Может быть, так называемые репрессии – а по сути уборка мусора – были недостаточными. Может быть, «блистательных» следовало собрать на совок и вышвырнуть, как вышвыривают в компостную кучу перезревший арбуз – такой нарядный и круглобокий, но припорно-гнилой внутри.

---

¹ В главе (и книге) с признательностью использованы исследования и суждения В. М. Чунихина (http://samlib.ru/c/chunihin_w_m) и А.В. Захарова (http://samlib.ru/z/zaharow_aleksandr_wiktorowich).

В совсем ином мире несколько лет спустя Адольф Гитлер сказал бы в одном из своих последних интервью: «Я гибну от рук собственных генералов. Сталин совершил гениальный поступок, устроив чистку в Красной Армии и избавившись от прогнившей аристократии».

Это было бы в совсем ином мире.

Может быть, человечество заслужило свершившийся ужас. Заслужило – обезьянней бесстыжей повадкой, подлой обывательской мудростью, мещанством. Неумением знать звёзды над головой.

Но другого человечества у Сталина тогда ещё не было.

Маленький родианец Двуул жизнью был, в общем-то, доволен. У представителей его расы выбор карьеры ведь, как правило, не особенно богат. Либо в наёмники, либо в охотники за головами... повезёт – войдёшь в преступный синдикат типа «Чёрного солнца». Да там и сгинешь. Наверх пробиваются немногие.

Но Двуулу повезло: Империи требовались механики...

Империи требовались пилоты, пехотинцы, командующие, десантники, шпионы и гарнизонный персонал. Требовались операторы артиллерийских систем, танков и транспортных вездеходов. Требовались флотские, но флотские – это элита, их не хватает всегда. Империя постоянно наращивала свою военную мощь; казалось, эта гонка давно превратилась в самоцель – сила ради силы, власть ради власти...

Не то чтобы Двуул как-то особенно переживал по поводу такой расточительности. Уж кем-кем, но пацифистом он не был, любовь к хорошей драке у всякого родианца в крови. Однако с возрастом горькому бандитскому фарту как-то начинаешь предпочитать тихое место вдали от лишних стычек, регулярную выплату жалованья и спокойную возню с железяками.

Двуул повертел в руках очередную конденсаторную пластину. Нет, вот тут с краю керамика чуть раскрошилась, силовой перегрузки она может и не выдержать. Отложим для утилизации...

«Сколько расходов. – Он сморщил вытянутое личико, поводит дыхательной трубой. – Сколько расходов...»

Маленький родианец был, в общем-то, довольно хорошим механиком, судя по тому, как Имперский агент сманивал его с насиженного места в гоночном ангаре на Даймле.

Наверное, Двуул не согласился бы вот так внезапно бросить всё, чего добивался последние несколько стандартных лет, но уж очень хороши были предложенные условия. Родианец получал флотские выплаты, походные и боевые, но при этом сохранял гражданский статус – никто не мог бы заставить его бегать с оружием...

Двуул не любил бегать с оружием. Он любил чинить оружие. Он любил чистить оружие, разбирать и собирать оружие, полировать оружие синтишёлком, заменять гальвеновые трубки, отстраивать системы ведения огня и проверять кристаллы термоаккумуляторов. Маленький родианец любил большие пушки – о, Кавила!.. А на «Палаче» не было недостатка в больших пушках.

Звёздный Суперразрушитель – корабль, в общем-то, не для битв. Для террора. Сам факт прихода такого монстра в систему для почти любого планетарного правительства означал бы только одно: Империя зла, лучше пригнуть голову и соглашаться на все её «пожелания». Не согласишься – что ж... «Палач» без особого напряжения вскипятит твою планетку: хочешь – океаны, хочешь – вовсе литосферу. Соглашайся, дурачок.

Как можно не гордиться таким кораблём, даже если он только-только готовится покинуть верфь и выйти в первый проверочный переход?.. Двуул гордился, гордился тихо, почти нежно. Он выполнял обязанности оружейного техника честно и от души, уделяя особое внимание своим любимцам – тяжёлым турболазерам. И пускай эти грозные орудия почти совсем

не годятся для борьбы с вёрткими истребителями повстанцев – зато для работы по наземным целям равных им, в общем-то, нет.

Конечно, к моменту отхода стапелей большая часть артиллерийских систем даже не была смонтирована – Империя слишком торопилась. И даже из введённых в строй многие были утрачены в той глупой катастрофе... И замену им взять негде – все на корабле уже знали, что «Палач» потерялся. Нави-дроиды пытались восстановить лоции, вычислить точку выхода с опорой на ближайшие звёзды, но пока...

Маленького родианца всё это волновало довольно слабо. Подумаешь – потерялись сами, подумаешь – потеряли... сколько же процентов артиллерийских систем они потеряли? Где-то здесь был отчёт, который они составляли вместе с новым капитаном...

Друул пошарил по верстаку, чуть не смахнув какие-то мелкие детали. Подхватил присосками полосу синтишёлка, смял ткань, обернул ладонь... пупырышки ощутили знакомое шершавое прикосновение.

«Надо бы ещё раз пройти по энергомуфте восемнадцатого агрегата», – подумал родианец.

Он ведь, в общем-то, не пишет дотошную историческую книжку из жизни великого Навика Красного, правда? А простому механику без надобности сложные числа – Дзуул просто делает своё дело. И точно знает, что даже избитый «Палач» всё равно остаётся самым большим, красивым и мощным звёздным линкором Галактики.

И его заботливо отполированные турбалазеры всегда готовы нанести смертоносный удар туда, куда укажет Лорд Вейдер.

– Товарищ Половинкин, – сказал Иосиф Виссарионович, указывая трубкой в противоположный угол комнаты, – вы уже, кажется, знакомы.

Коля, сохраняя стойку «смирно», всем корпусом повернулся вправо и увидел вчерашнего «диверсанта». Юноша, на этот раз в сером плаще с кровавым подбоем, стоял довольно напряжённо и глядел Коле в область переносицы.

– Это товарищ Старкиллер, – сказал Сталин, – поздоровайтесь, вам предстоит работать вместе.

Коля уставным шагом приблизился к «диверсанту». Никакой агрессии от того сегодня не чувствовалось, парень как парень, только руки в ожогах.

Половинкин по-уставному чётко отдал честь, представился и, сочтя красивый плащ всё-таки не военной формой, протянул ладонь. Старкиллер не шелохнулся, продолжая смотреть сквозь Колю.

– У них не принято, – сказал Сталин, улыбаясь в усы, – но ничего, подружитесь. Вы назначаетесь представителем советского командования в Особой группе обеспечения государственных орбитально-планетарных сношений.

– Служу трудовому народу! – автоматически ответил Коля. – Почему я?

– По настоятельной личной просьбе товарища Старкиллера, между прочим, – заметил Судоплатов.

– Товарищ Председатель Совета Народных Комиссаров СССР товарищ Сталин! – громко сказал Половинкин, вытягиваясь ещё смирнее. – Разрешите вступить в ряды действующей армии на борьбу с фашистами!

Иосиф Виссарионович с видом выигравшего спор человека посмотрел на Судоплатова. Тот довольно осклабился, и Коля понял, что с этой стороны помощи ждать не приходится.

– Отпустите на фронт, товарищ Сталин, – сказал он, – я вот и рапорт написал...

Сталин чуть наклонил голову.

– Возможно, товарищ Половинкин полагает, что мы направляем его не на фронт? Возможно, товарищ Половинкин надеется, что мы позволим ему отсидеться в безопасности там, в безвоздушном пространстве? – он ткнул трубкой вверх.

Коля весь вспыхнул, но Сталин не позволил и слова вставить.

– Нет, товарищ Половинкин. Мы вас направляем именно на фронт, и фронт этот, может быть, важнее Западного сейчас.

– Товарищ Сталин, я ведь не учёный, ну как я с марсианами? Я не готовился... – пробормотал Коля, проклиная своих «марсиан».

– Это сейчас не главное. Осмотритесь, наладите контакты. Тем более что определённый авторитет вы у товарищей из космоса уже заработали, – мягко улыбнулся Иосиф Виссарионович.

Коля покосился на Старкиллера, но тот по-прежнему смотрел сквозь. Модный серый плащ даже не шелохнулся.

– А группа учёных и прочих специалистов сейчас формируется, – сказал Сталин. – Ступайте, товарищ Половинкин. Товарищ Судоплатов проинструктирует.

Пётр Сергеевич Жданов чуть помялся, посмотрел на Берия. Выглядел Лаврентий Палыч скверно: сказывалось напряжение первых дней войны.

Жданов почувствовал себя неловко. Умом он понимал, что его место здесь, его работа, в сущности, более важна и нужна теперь. Так уж случилось, что именно он отвечал за функционирование бесперебойных сношений с инопланетными пришельцами, а эти сношения, знаете ли, вполне могут определить всё лицо будущего мира. И всё же сердце чуть ныло: профессор чувствовал себя обязанным попроситься на фронт.

– На фронт проситься пришли? – сказал Берия, на миг отрываясь от бумаг. – Не пушу. Работайте по теме «Проша». Всего доброго.

Жданов опомнился, засуетился.

– Да я, Лаврентий Павлович, знаете ли, как раз по этой теме к вам.

Берия положил свой документ под непрозрачный лист стекла, снял пенсне, ладонями помассировал брови.

– Что на этот раз? – чуть раздражённо спросил он. Акцент стал заметнее, как всегда в моменты волнения или усталости.

Жданов вынул из принесённой папки несколько чертежей и страницу с формулами.

– Вот, – сказал он, как будто это всё объясняло, – нерасчётный режим.

Берия быстро просмотрел бумаги. Природные способности и крепкое техническое образование позволяли ему неплохо разбираться во многих курируемых проектах, но электротехником он всё-таки не был и снова испытал лёгкий прилив раздражения.

– Я вижу, теперь у вас уже третье правило Кирхгофа не сходится? – саркастически спросил нарком.

– Э... – сказал профессор, – но ведь никакого третьего правила, знаете ли, не существует, их всего два. «Сумма токов в узле равна нулю» и «сумма падений напряжений по контуру равна нулю» тоже. Вы, Лаврентий Павлович, вероятно, путаете с законом Кирхгофа, но он совсем про другое, он про то, что при прочих равных у всех тел излучательная способность...

Он сам понял, что забалтывается. Замолчал, поправил очки. Берия молчал.

– Режим питания Проши... извините, устройство не соответствует заявленному, – твёрдо сказал Жданов. – Он, во-первых, потребляет несколько больше, чем должен, согласно вот этой диаграмме... да, вот эта страница. Во-вторых, характер потребления, знаете ли, импульсный.

Берия заинтересованно поднял бровь. Он почувствовал.

– Что значит «импульсный»?

– В сущности, устройство через равные промежутки времени как бы пиково увеличивает свою потребность в электроэнергии.

– Подключается какой-то внутренний агрегат, – уверенно сказал Берия.

– Точно так, ни малейшего сомнения, – подтвердил профессор. – Я попытался наблюдать по косвенным признакам, но перепаять схему прямо сейчас, на виду у самого Проши, знаете ли...

– Радио, – сказал Берия тем же уверенным и даже в чём-то довольным тоном, будто подтвердились его лучшие подозрения, – он ведёт скрытную радионую передачу.

– Охотно допускаю, Лаврентий Павлович, охотнейше. Но я в радио, в сущности, не специалист...

Берия откинулся в кресле.

– Мы сейчас формируем рабочую группу по проблеме. Привлечём Котельникова, Лебедева... да, вы же в одном институте работаете... Ещё кое-кого.

– Хорошо бы Сифорова, Владимира Ивановича, – сказал Жданов, – по радио теперь, пожалуй, самый серьёзный. Но он ленинградский, знаете ли, мы с ним на симпозиуме в Гатчине...

– В Красногвардейске, – строго поправил нарком, – привлечём и его.

Берия прекрасно знал Сифорова: читал – по верхам, конечно, – изданный в 1939 году учебник «Радиоприёмные устройства». Учебник у Владимира Ивановича вышел действительно замечательный.

– Идите, – сказал Лаврентий Палыч, – работайте. Разберёмся мы с этими внеземными акробатами. Готовятся люди.

За два с половиной часа Колю Половинкина дополнительно побрили, разрешили написать письмо деду, сунули в руки чахлый вещмешок и подвезли к особо секретному государственному космодрому. Новую, всю такую из себя лейтенантскую форму выправить не успели, и по этому поводу Коля сильно огорчился.

– Не журысь, – сказал ему Павел Анатольевич, хитро сдвигая брови, – нехай знают, шо наш сержант – покруче ихних капитанов будет! А вот, кстати, и приехали.

Космодром оказался бывшим стадионом «Динамо». Коля подумал, что жаль, но ведь теперь не до футбола. Он шёл под трибунами и предвкушал, как первый раз в жизни увидит настоящую ракету. Или яйцевидный межпланетный аппарат. Но на траве стадиона было пусто, и товарищ Судоплатов объяснил, что аппарат секретный, скрыт невидимым прибором и фигуры не имеет.

Конечно, Павел Анатолич был генерал-лейтенантом, но Коля всё-таки заподозрил какой-то розыгрыш. Поэтому даже удивился, когда по мере приближения к центру стадиона перед ним из воздуха начали проявляться неясные контуры довольно кургузого самолёта, а потом в этом размытом мареве проступил провал трапа, с которого спустилась высокая, симпатичная, хотя и бледноватая девушка в тёмно-синей форме. Бортпроводница, решил Коля, красивее Зинаиды. Он снова пожалел, что не успел примерить новую форму.

– Давай, сынок, – сказал ему тридцатичетырёхлетний Судоплатов, пожимая руку и обнимая. Бортпроводница смотрела на них с приятной улыбкой. – Не посрами.

– Есть не посрамить, – серьёзно ответил Половинкин, – передайте там...

Но Судоплатов лишь подтолкнул его в грудь кулаком. Девушка кивнула, повернулась и скрылась в темноту. Коля пошёл за ней по трапу.

Через пару шагов вокруг вдруг сделалось светло. Половинкин обернулся, но трап уже закрывался, и лейтенант успел заметить только вскинутую в прощальном жесте ладонь Судоплатова.

«Земля, прощай!» – подумал Коля.

Бортпроводница за локоть провела его в небольшую кабину и усадила в кресло, а сама таким привычным движением плюхнулась в соседнее, что Половинкин понял – девушка пилот. Ему стало немного стыдно, он даже слегка покраснел, и тут девушка хлопнула изящной ладошкой по пульта, взялась за штурвал, и пол самолёта вздрогнул.

Коля, разумеется, не боялся высоты, не раз летал на У-2 и даже прыгал с парашютом, но инопланетный самолёт слишком уж легко и быстро оторвался от земли. Половинкин поискал пристяжной ремень, но ремня не было, зато оказалось, что слева сбоку стоит мрачный товарищ Старкиллер. Лейтенант подумал, что посрамить никак нельзя, принял бывалый вид, откинулся в кресле и небрежным жестом бросил в угол вещмешок, который, оказывается, всё это время держал в руках. Из угла раздался негромкий металлический звон и энергичное пиликанье на каком-то неизвестном инопланетном языке.

Коля посмотрел в широкий иллюминатор. самолёт взлетал почти вертикально и поднялся уже довольно высоко, наконец лихо развернулся – девушка довольно цокнула языком – и, быстро набирая скорость, полого пошёл на запад. Невидимая, но явственно ощутимая мощь аппарата поражала.

«Вдарим, – думал лейтенант, – вот уж теперь-то, с такой техникой – вдарим!»

Прошлая незатейливая жизнь улетала из-под ног, как вытоптанная динамовцами трава. Коля пьянел от скорости, с которой проносилась внизу родная земля, от предчувствия космоса, от предвкушения невообразимо интересных чудес. Хотелось петь, хотелось кричать. Он повернулся к девушке-пилоту и начал говорить с ней, говорить просто так, не задумываясь о словах, ведь всё равно забавный переводчик Проша остался внизу:

– Возьмём, к примеру, опята. Они растут на пнях. Если придешь в лес...

Девушка рассеянно улыбалась, но явно не слушала, небрежно двигая штурвал. На пульте мигали лампочки. Шли над лесным массивом.

Наконец Старкиллер, всё это время так и простоявший в кабине, чуть наклонился и что-то коротко сказал пилоту. Девушка вроде бы попыталась возразить, но Старкиллер бросил ещё одну короткую фразу, и самолёт быстро пошёл вниз.

В животе у Коли ёкнуло.

Старкиллер что-то отрывисто бросил и не оборачиваясь пошёл к выходу. Девушка-пилот встала следом, словами и жестом позвала Колю. Тот поднялся, зачем-то подхватил свой мешок. Из-под мешка выпорскнула небольшая металлическая коробочка и умчалась по коридору.

Сойдя по трапу, Коля огляделся. Это явно был ещё не космос.

Машина стояла на небольшой полянке среди деревьев. В нескольких шагах впереди стоял в своём торжественном плаще мрачный товарищ Старкиллер и смотрел на Колю, на этот раз прямо в глаза. Коля шагнул вперёд и остановился.

Старкиллер произнёс несколько слов на своём инопланетном языке. Раздался писк, уже знакомая коробочка приподнялась на тонких стержнях-ножках из травы и ясным русским голосом сказала:

– Поединок будет здесь.

Часть III Второй фронт

Глава 7 Супостат

– Фюрер, фюрер, фюрер, фюрер! Что бы вы делали без своего дорогого фюрера? Ничего! Ничего! Вы ни черта не можете без своего дорогого фюрера, – бормотал дорогой фюрер, ползая по карте с остро отточенным карандашом в руке. К сорок первому году зрение у Гитлера уже заметно ухудшилось, и аккуратные стрелочки на карте приходилось рассматривать почти в упор. Кроме того, рассматривать стрелочки было очень приятно – наступление на Востоке развивалось крайне успешно.

Кроме войск НКВД, оказавших организованное, ожесточённое, но, к счастью, совершенно недостаточное сопротивление, в ключевой сухопутной фазе войны Вермахту не мог противостоять никто. Азиатские большевистские орды бежали от доблестных германских воинов, поджав хвост, бросая оружие и припасы, возвращаясь в свои бесконечные голодные степи. Редкие отчаянные контрудары красных с лёгкостью парировались, коммуникации рассекались, танковые клинья вышибали русских из их полуготовых укреплений, пехотные дивизии занимали жалкие серые городки. Очагов сопротивления на направлениях главных ударов практически не осталось.

Гитлер резким недовольным движением откинул со лба чёлку, постучал тыльным торцом карандаша по карте в районе Бреста. Адьютанты переглянулись, фон Белов расправил узкие плечи.

Прусский аристократ, потомственный вояка, майор авиации Николаус фон Белов не был восторженным юнцом из гитлерюгенд. В своё время ему довелось проходить стажировку в России, в лётной школе под Липецком, и бескрайняя восточная страна совсем не показалась ему колоссом на глиняных ногах. В отличие от многих сослуживцев ему не нравились настроения в духе – как это говорят у русских – «закинем шапкой за воротник». Разумеется, он никогда не стал бы высказывать подобных опасений вслух.

Впрочем, его знакомство с Россией состоялось давно, ещё во времена Веймарской республики. Русские строили лётные школы, и Германия, по условиям Версальского договора лишённая права на развитие авиации, была вынуждена обучать своих пилотов в других странах. Теперь и немцы совсем не те, и большевики, по всей очевидности, поистратились. Наступление на Востоке развивается настолько успешно, что сомнений в победе Рейха уже нет. Белоруссия – ключ к воротам России, а из всех очагов сопротивления там чуть тлеет только Брест.

Ерунда. На стратегическом уровне мелкая заминка со взятием этой злосчастной крепости к какой-либо задержке не приведёт. На дворе двадцатый век, какие ещё «крепости»? Безбожные большевики, кажется, всё-таки задержались в далёком прошлом, во времена дульнозарядной артиллерии и конной лавы. Пришло время показать им полёт арийских валькирий.

В воздухе царили орлы Гёринга. Даже после первых ночных бомбардировок 22 июня командование ВВС РККА требовало от своих лётчиков «не поддаваться на провокации». Да, большинство русских лётчиков уцелело – они уже были привычны к постоянным наскокам немецких самолётов и не давали себе расслабиться. Но их боевые машины люфтваффе стирало в пыль прямо на аэродромах. Как и коммуникации, склады, инфраструктуру. Идиоты! Эти тупые и ленивые русские опомнятся не раньше, чем мы загоним их в Сибирь. Сейчас, когда вся Европа фактически присягнула на верность Рейху, германская армада непобедимым

решительным валом катилась дальше – на Восток, на Восток, на Восток! Казалось, исход войны был решён всего за два дня.

Адъютант с любовью и благоговением смотрел на своего фюрера. Гитлер положил обе ладони на цветное полотно карты, вдохновенно полуприкрыл глаза. Всё же он гений, это бесспорно. Гений, превзошедший в своём величии самого Фридриха, самого Бисмарка!..

Ведь именно благодаря прозрениям фюрера вековой кошмар «железного канцлера», война на два фронта, оказывается вовсе не таким страшным. Возможно, Отто фон Бисмарк и был прав прежде. Но теперь, когда континентальные державы покорены почти без потерь, вялая возня с Англией требует совсем небольшого напряжения, а далёкая Америка и вовсе скрытно снабжает Рейх продовольствием, финансами и технологиями, разве можно это назвать войной на два фронта? Нет, эта всемирная война шла единственным, единым фронтом – на Восток, на Восток, на Восток!

Ставка бурлила радостно и деловито, как бурлит всякий штаб всякой победоносной армии. Но даже купаясь в сладостных волнах этого сдержанного ликования, фон Белов не смог бы оставить незамеченным приход своего старого знакомого по Липецкой авиашколе.

Командир 12-го авиакорпуса генерал-майор Йозеф Каммхубер занимался в Третьем рейхе противовоздушной обороной, в основном ночной. В существенной мере именно его усилиями ПВО Германии из совокупности разрозненных кусочков мозаики – прожекторные посты, зенитная артиллерия, радиолокационные станции, ночные истребители – превратилась в стройную систему, где каждая часть каждого рода войск занимала своё место и управлялась из единого центра. Не то чтобы эта система была идеальной или непреодолимой – нет таких крепостей, которые не смог бы взять настойчивый, целеустремлённый и достаточно богатый противник, – но благодаря Каммхуберу со своими задачами она справлялась гораздо эффективнее, чем до него.

Сейчас обычно открытое приветливое лицо генерала казалось мрачнее тучи над Испанией. Коричневую кожаную папку он сжимал в руках с таким натужным видом, будто нёс бомбу. Конечно, это было не так: последнее время всех посетителей Ставки тщательно проверяли. Но фон Белов всё же немного напрягся.

Гитлер ценил своего адъютанта, помимо прочего, и за умение вовремя подвести к нему нужного посетителя; а Каммхубер, несомненно, пришёл с каким-то важным известием. В потоке победных реляций и радостных посетителей выкроить свободную минуту фюреру было не так просто, и Николаус решил не тянуть. Он поспешил проводить старого знакомого к патрону.

Фюрер уже отвлёкся от изучения карты и сидел за столом, читая свежие радиogramмы. На стену за невысокой спинкой кресла легла уютная тень. «Гений», – снова подумал фон Белов, умилённо рассматривая блестящие в свете неярко настольной лампы залысины.

Сперва Гитлер только добродушно махнул рукой в ответ на строгое приветствие Каммхубера. Но мгновение спустя он вдруг застыл и прекратил отчёркивать слова в бумагах. Медленно поднял голову. Тень на стене взметнулась было, но тут же испуганно замерла.

Гитлер почувствовал – он всегда чувствовал – исходящее от генерала напряжение.

– Выкладывайте, выкладывайте, Каммхубер, – скрипучим голосом приказал фюрер, кивком отсылая адъютанта.

Фон Белов чётко отсалютовал и развернулся на каблуках. Он шёл к двери медленно, вихляя всей своей высокой узкоплечей фигурой, и успел услышать щелчок металлической застёжки на кожаной папке генерала Каммхубера, шелест вскрываемого пакета, потом хруст сломанного карандаша.

Он тщательно закрыл за собой дверь и прислонился к стене.

– Над Берлином? – донёсся из кабинета раздражённый вопль дорогого фюрера.

Кажется, начиналась одна из его знаменитых истерик.

Юно вела «Тень» совершенно спокойно. В самом деле, задание было совсем простым – обычный транспортный рейс. Лорд Вейдер вступил во временный союз с обитателями этой скучной маленькой планетки: ресурсы в обмен на военную помощь, там, внизу, как раз затевалась какая-то локальная войнушка. Девушке были не особенно интересны подробности: кого волнуют стычки этих грязеедов?..

Юно презирала грязь. То ли дело жестокие и стремительные столкновения в пространстве, далеко за пределами атмосферы! Единственный, ослепительный миг схватки – и ты либо победитель, либо бултыхаешься среди обломков своего истребителя исковерканной кровавой льдинкой. Если повезёт, тебя успеют подобрать палубные эвакуаторы. Но Юно пока не доводилось просыпаться в канистре с бактой – для этого она слишком хороший пилот и не зря носит свои медали.

Девушка на мгновение отвлеклась от управления и поправила блестящую пряжку на форменном ремне. С кораблём всё равно ничего не случится, она держала штурвал больше по доведённой до автоматизма привычке. А вот тёмно-синий флотский китель, с зауженными рукавами и высоким воротником, который так выгодно подчёркивал её длинную шею и аккуратно уложенные светлые волосы...

Лейтенант Юно Эклипс не была флотской, флотские – это элита. Она была пилотом сначала планетарного транспортника, потом бомбардировщика, потом палубного истребителя. Пожалуй, очень хорошим пилотом – потому что как-то незаметно для себя самой доросла до командира эскадрильи. А потом Лорд Вейдер лично выбрал её для пилотирования особенного в своём роде диверсионного корабля – с особенным пассажиром – и приказал носить такую изящную флотскую форму.

Юно не была флотской. Зато элитой она была.

Настоящая элита не бывает политической или финансовой. Юно презирала грязь. Элита бывает интеллектуальной – когда ты превосходишь окружающих умом; или военной – когда ты их побеждаешь. Юно любила побеждать.

Ей повезло с пассажиром: он тоже явно предпочитал быть лучшим.

Старкиллер сразу показался ей слишком высокомерным, при первой же встрече. Он не поддержал её воодушевлённого приветствия, не обратил внимания на то, как ладно сидит на ней новенькая форма, и безразлично отвёл холодные серые глаза от её заинтересованного взгляда. Руки в следах старых ожогов были расслаблены, но почему-то создавалось впечатление, будто он только и ждёт повода выхватить с пояса световой меч. Молодой ситх молча прошёл мимо неё в корабль, и Юно поняла, что он даже не думает о впечатлении, которое произвёл на неё своей опасной походкой.

С тех пор высокая, жилистая фигура Старкиллера всё время маячила в кабине за её спиной, но он почти не разговаривал с Юно, ограничиваясь только негромкими приказаниями. Со своим ехидным дроидом и то болтал охотнее.

Совсем молоденький, лет на пять младше неё... ситхи быстро взрослеют. Вряд ли он был так уж избалован вниманием. Скорее просто не счёл её интересной.

Юно вздохнула. В старой эскадрилье пилоты были куда приветливее, хотя её старшинство признали и не сразу. Но она действительно была блестящим пилотом, настоящим профессионалом.

После того как она доставила Старкиллера на поверхность во второй раз – на этот раз в качестве парламентёра, – «Тень» забрала с собой нового пассажира, какого-то местного военного, тоже совсем молодого. Судя по неказистой форме – в невеликих чинах. Юно знала, что это тот самый парень, который сорвал их разведывательную миссию.

Она покосилась направо.

Вот он, с разинутым толстогубым ртом вжался в соседнее кресло. Сложно поверить, что такой с виду простак сумел в одиночку одолеть ситха. Вероятно, серьёзный специалист по контрдиверсионной борьбе, возможно, с подготовкой джедая, раз сумел отобрать у ситха его меч.

Юно любила читать старые голокроны и знала, что меч – это жизнь джедая. Старкиллер не остановится ни перед чем, чтобы вернуть себе своё оружие.

Девушка помнила, как одурманенного лекарствами молодого ситха затащили в «Тень» двое дюжих местных солдат. Она с ужасом и жалостью смотрела на его безвольное тело, помогла уложить на койку в жилом отсеке и сама вколола стимулятор.

Тогда она впервые прикоснулась к его телу.

Никогда, никогда не призналась бы она в том, что видела его побеждённым.

После того случая быстро оправившийся Старкиллер провёл долгие часы в медитации. Меча у него уже не было, поэтому молодой ситх садился перед бортовой панорамой и фокусировал взгляд то на планете внизу, то на тускловатой жёлтой звезде – солнце этого мирка. Лицо юноши делалось неподвижным и глубоким, как маска его учителя. Ситх готовился, и Юно боялась, что знает к чему.

Очевидно, это он настоял на том, чтобы вместо группы опытных дипломатов Владыка Сталин прислал одного пухлогубого паренька. При взлёте этот грязеед вцепился в подлокотники кресла с таким ошеломлённым видом, будто впервые в жизни летел на космическом челноке.

За то время, что Юно со Старкиллером провели на поверхности, «Палач» успел сместиться на орбите, и теперь «Тень» шла на запад, догоняя гигантский корабль. Эклипс предпочла бы сразу выйти в безвоздушное пространство, но ситх настоял на атмосферном полёте. Наверное, хотел насладиться видами.

Юно мысленно фыркнула. Ценителем красоты юноша явно не был.

Надо признать, что планетка действительно была симпатичная, почти как Каллос. До того, как над ним разгрузилась бомбардировочная эскадрилья Эклипс, конечно. Эту Землю сейчас тоже кто-то где-то утюжил, но далеко отсюда. Да и не было у местных грязеедов таких же бомб, способных вытереть всю разумную жизнь на планете.

Они давно миновали плотно заселённую территорию и сейчас шли над лесным массивом. Абориген, хлопая светлыми ресницами, вылупился в лобовую панораму и нёс какой-то счастливый бред, кажется, про плотоядную плесень, паразитирующую на местных деревьях. Дроиды-переводчики ещё не в полной мере освоили местный диалект.

Юно улыбнулась. Судя по всему, парень просто не догадывается, что она может понимать его слова. Девушка подумала, что надо бы тоже дать ему клипсу-переводчик, но, прежде чем она успела это сделать, Старкиллер из-за её спины негромко сказал:

– Садимся.

– Но...

– Немедленно, – произнёс Старкиллер, не повышая голоса. Юно предпочла подчиниться. Ей было сильно не по себе.

Когда мужчины вышли из челнока на выбранную для посадки тихую лесную полянку, Юно осталась стоять на самом краю трапа. Она уже знала, что сейчас произойдёт.

И даже немного удивилась, когда Старкиллер произнёс стандартную формулу вызова на поединок, а грязеед, так и стоявший со своим нелепым ранцем в руках, вдруг начал пятиться, пока не прижался к Юно согнутой тёплой спиной.

Когда коробочка в траве сказала что-то про поединок, Коля, конечно, не испугался. Он всё-таки был советским человеком, комсомольцем.

То есть он не испугался за себя. Но вот симпатичную девушку-пилота надо было убрать подальше от возможной опасности, и Коля немедленно пригнулся, быстро сделал по трапу пару шагов назад и затолкал её обратно в провал люка. Девушка растерянно пискнула и подчинилась.

– Сиди-ка там, товарищ лётчик, – сказал Коля и повернул обратно.

Может быть, это и не было вежливо. Так ты не стой разинув рот.

Товарищ Старкиллер, кстати, тоже стоял довольно глупо, прямо посреди поляны, на открытом пространстве. Половинкин поразмыслил и пришёл к выводу, что, видимо, поединок будет не прям вот, и поэтому-то юноша так спокоен.

Тем не менее, тревожно озираясь по сторонам, он быстро распустил тесёмку вещмешка, достал тяжёлый чёрный «ТТ», сорвал пломбу и, привычно загнав на место обойму, сунул его в поясную кобуру. В дорогу Половинкина снаряжало родное ведомство.

Он огляделся снова. Старкиллер так и стоял столбом.

– Оружие твоё где? – спросил Половинкин «марсианина». Судоплатов рассказывал, что у инопланетных товарищей «ты» и «Вы» не различаются, поэтому нарушить дипломатический протокол Коля не боялся. Да и не тянул бледный юноша на «Вы», ну никак.

Бледный юноша в модном сером плаще напряжённо молчал, и Коля, проникаясь серьёзностью момента, окликнул ещё раз:

– Пистолет хотя бы есть? Что за поединок, ты сказал?

– Мой меч, – с мрачной решимостью произнёс Старкиллер, указывая на вещмешок. Коробочка в траве перевела.

«Тьфу ты», – мысленно хлопнул себя по лбу лейтенант.

Он засунул руку в мешок и достал «сварочный аппарат». Товарищ Патон отдал трубу с великой неохотой и, сердито шевеля седыми усами, крепко наказал привезти таких ещё хотя бы парочку для опытов.

– Держи, – сказал Коля, бросая меч в руки Старкиллеру. Тот механически поймал трубу и уставился на своё странное оружие с таким видом, будто в руку ему плюнули или чего похуже.

– Так с кем будем драться? – спросил Половинкин, отворачиваясь от Старкиллера – спину небось прикроет – и подозрительно оглядываясь по сторонам. Кургuzый самолёт летел очень быстро, но вроде бы недолго – до границы должно быть ещё далеко. Вряд ли они уже в зоне боевых действий. Руку он держал на кобуре, но всё было тихо. Иголочки молчали.

«Марсианин» молчал тоже. Коробочка в траве, кажется, хихикнула. В глубине чащи застучал дрозд.

Половинкин с недоумением повернулся к инопланетному товарищу. Тот по-прежнему смотрел на меч в собственной руке, потом наконец поднял глаза на лейтенанта. Губы его, кажется, чуть подрагивали.

«А дуркует чтой-то товарищ инопланетянин», – подумал лейтенант. Отсиживаться в лесу, пока Родина воюет, он считал подлейшим свинством.

Старкиллер наконец встряхнулся, повесил меч на ремень и, обогнув Колю, молча пошагал к трапу. За ним шустрила коробочка. Половинкин вздохнул, убрал ладонь с кобуры, подхватил вещмешок и, на ходу сорвав травинку, пошёл следом. Кургuzый самолёт сейчас стоял без маскировки, Коля мимоходом удивился малости и несимметричности его крыльев. Но это наблюдение всё же не смогло отвлечь его от рассуждений о странном поведении инопланетянина. По-прежнему недоумевая, Коля пришёл к выводу, что товарищ Старкиллер таким неуважительным способом просто проверял его бдительность. «Проверяй-проверяй, – подумал Коля, – бдительность у нас поставлена хорошо, ничего не проглядим».

Он занял своё место в кабине. Девушка-пилот бросила странный взгляд, но благодарности за спасение выражать не торопилась, сразу взялась за штурвал. Коля уже привычно ощутил

момент мягкого отрыва от земли. Самолёт поднялся выше и, едва не задев брюхом верхушки деревьев, снова пошёл на запад.

Большой радости, как в первый раз, Половинкин почему-то уже не испытывал. Настроение было паршивое. Коля полагал, что из-за глупой шутки улыбка девушка в синей форме теперь невеста что о нём подумает. Да и там, на небе, наверняка будут смеяться, когда «марсианин» расскажет. Дать бы ему ещё разок по морде, а ведь нельзя – дипломат всё-таки.

Товарищ Старкиллер опять стоял сзади, скрестив на груди уродливые руки. Полы плаща испачкались в зелени. Замаётся отстирывать, мстительно подумал Коля, но тут самолёт тряхнуло, сразу тряхнуло ещё раз, раздался скрежет, по лобовому стеклу пробежала неровная трещина. Девушка в соседнем кресле что-то закричала, отчаянно выворачивая штурвал. Старкиллера сбilo с ног и выкинуло в коридор.

Половинкину в лицо полетели синие искры, он закрылся было руками и вдруг ощутил удивительную лёгкость во всём теле. Заныл копчик, как тогда, под парашютной вышкой, откуда только что крепким пинком выпихнул его пожилой инструктор. Но на этот раз никто не бил его под зад, удар пришёлся в голову, и Коля застонал, прокусывая язык. Самолёт снова жестоко встряхнуло, Коля услышал слабый вскрик девушки-пилота и потерял сознание.

Глава 8

Такая работа

Сняли его прямо с трапа самолёта, как говорится, под белы ручки.

Сифоров уже знал, что в начале июля будет призван в РККА. О фронте, конечно, и речи быть не могло: учёные такого калибра – не снаряды, ими по фронтам не разбрасываются. Нет, ему предстояло заниматься примерно тем же, чем и сейчас – преподавать. Только вместо созданной и возглавляемой им кафедры радиоприёмных устройств родного Ленинградского электротеха маячила впереди должность преподавателя Военно-Воздушной инженерной академии Красной Армии. И петлицы. Сперва рядового. Потом, допустим, инженер-полковника. Со временем.

Время работало на Сифорова. Время всегда работает на тех, кто не тратит его даром.

А функция от времени есть карьера. Если не вмешаются обстоятельства в васильковых фуражках.

Ехали уже довольно долго. Владимир Иванович наклонился вперёд и с интересом поглядел в окно «эмки». Тёмная – с началом войны ввели светомаскировку – столица не особенно впечатляла. В провалах притихших улиц мерцали звёзды.

Может быть, где-то там, рядом с другими звёздами, тоже есть планеты. И на тех планетах есть, как говорится, разумная жизнь. И эта разумная жизнь достаточно разумна, чтобы тоже освоить радио.

Да что там «может быть» – наверняка.

Ведь радиосвязь – это возможность собрать вместе множество таких одиноких людей. Каждый по отдельности – маленькая искорка, дунь, и погаснет. Каждый по отдельности умён ровно настолько, насколько умён сам. А с радио – все искорки соберутся вместе, сольются в огромную неугасимую звезду. Ум каждого станет питать умы всех остальных – а ум нуждается в пище куда больше, чем тело. Уму нужны мнения, суждения, аналогии, книги – много, много книг.

Владимир Иванович быстрым движением потёр кончик любопытного носа. Усмехнулся, вспоминая юность – с какой жадностью глотал он книги! Книги – советская власть, конечно, – сделали его профессором в тридцать четыре года. Теперь ему было тридцать семь, и читал он так же много, всё, до чего мог дотянуться. Ведь книги – это знания, а знания – это жизнь.

И в обществе с развитой радиосвязью эти знания будут доступны так же легко, как доступен воздух. Жителю такого мира не потребуется работать грузчиком в Ленинградском порту, чтобы иметь возможность приобрести учебники. Нет, ему достаточно будет повернуть несколько тумблеров, посылая запрос на вещательную станцию. На станции умная машина автоматически найдёт верный рулон киноплёнки или моток магнитной проволоки, поставит его на ось электромотора – и нужная информация отправится в эфир с радиовышки. А дальше, как говорится, делай с ней что пожелаешь. Хочешь – слушай по обычному приёмнику, хочешь – смотри на маленьком экране телевизионного.

Телевизоров в СССР выпускалось уже несколько моделей – как простенькие механические «Т1-РИК» или «Б-2», так и куда более сложные и дорогие электронные «ТК-1» или «17ТН-1» и «17ТН-3». Регулярное телевидение в Москве началось с 1931 года, игрушки влет разлетались по квартирам граждан и залам учреждений. Конечно, в недалёком будущем телевизоры непременно станут совершеннее, а уж там, у жителей других миров... Впрочем, конкретная модель приёмного устройства не так важна. Главное – вообще иметь доступ к нужной тебе информации.

Как получать информацию из радиоволн, Сифоров знал очень хорошо. Он приступил к интенсивнейшей научной деятельности ещё на старших курсах ЛЭТИ, поступив на работу в

Центральную радиолaborаторию, и считался столпом современной радиотехники уже к 1939 году.

Владимир Иванович снова усмехнулся, на этот раз с некоторым самодовольством. Сержант на соседнем сиденье покосился, но ничего не сказал: молодой ленинградский профессор слишком явно был погружён в собственные профессорские мысли.

Сифоров думал о другом профессоре – Жданове. Из кратких объяснений сотрудников НКВД он понял, что вызывают его по просьбе Пётра Сергеевича. Н-да. Если уж тот не справился, значит, задачка действительно любопытная. Впрочем, Жданов – энергетик, а энергетики и не должны решать задачки, предназначенные для радиотехников. Зато Сифоров решит, это уж точно.

Чего-чего, а честолюбия он лишён не был. Честолюбие – совершенно необходимая вещь для всякого серьёзного учёного, такая работа.

Как всякий серьёзный учёный всякого серьёзного государства, помимо основной деятельности Сифоров работал и на серьёзную спецслужбу. В данном случае – на НКВД. Туповатого фрондерства некоторых своих коллег Владимир Иванович не разделял и не одобрял: слишком хорошо помнил, какой власти обязан самой возможностью выучиться... да что там выучиться – просто не голодать. А ведь кому он был бы нужен – босяк да сирота, – не случись социалистической революции.

Конечно, революция стала спасением не только для Сифорова – для всей России. Видимо, какой-то фундаментальный физический закон вынуждает человечество время от времени вскипать и ломать – крушить, громить, смывать гигантской океанической волной – всё старое, всё до основания. Потому что иначе не выстроить нового мира, в котором сироты смогут становиться профессорами, а информация будет доступна каждому, причём даром.

Впрочем, такая доступность знания – сама по себе революция: когда распространению информации не страшны никакие расстояния, тогда люди могут объединить свои интеллектуальные способности и духовные силы и превратиться наконец в человечество.

«Или, допустим, марсианчество, – улыбнулся про себя Сифоров, что, как говорится, один чёрт». Сворачивали к набережной. В темноте впереди угадывались башни Кремля, не думать о революциях было сложно.

Первая информационная революция – это, конечно, изобретение письменности. Сифоров мысленно загнул большой палец. Он всегда считал так, и студенты давно взялись копировать эту манеру. Передразнивали, впрочем, беззлобно – любили. Профессор действительно читал лекции с большой душой, как говорится, не по бумажке. Хотя первая революция – это же как раз «бумажка»: возможность сохранять информацию объективным способом.

А вот вторая – это книгопечатание. Много, много «бумажек» – массовое тиражирование сохранённой информации. Владимир Иванович вспомнил, как работал над своей теперь уже знаменитой книгой «Радиоприёмные устройства». Он надеялся, что этот учебник выдержит множество переизданий и заставит плакать множество студентов. Ведь студенты не очень-то любят забивать голову чем-то полезным, а то вдруг не хватит места для всякой чепухи, всяких модных песенок, анекдотов, записочек?..

Сифоров подумал, что третья информационная революция – это как раз возможность эффективно распространять информацию. Оперативно передавать её – посредством телеграфа, телефона, радио – и накапливать в любом объёме. Жаль, что пока все эти устройства слишком велики и несовершенны. Но пройдёт совсем немного времени – допустим, каких-то лет тридцать, – и учёные непременно сумеют создать гораздо меньшую, удобную и простую технику связи. Может быть, даже такую технику, которая сама научится брать на себя какие-то рутинные задачи, хотя бы часть. Тогда у людей появится возможность обрабатывать информацию действительно эффективно, и это станут называть четвёртой информационной революцией. Насколько оживлённее, светлее будет тогда человеческая мысль!

Охрана оживилась. Сифоров успел мимолётно представить себе пятую революцию, когда обработка знаний превратится в особую, специализированную отрасль народного хозяйства; представил счастливые миллионы подтянутых, энергичных молодых людей, сосредоточенно поворачивающих тумблеры перед диффузорами радиоприёмных устройств, но додумать такое замечательное будущее не успел.

Эмка въехала в Кремль.

– Нет, – сказал Сталин. – Мы примем помощь и воспользуемся военно-техническим опытом братского народа Корусанта. Но это наша война. Взять Берлин должен русский человек.

– Товарищ Сталин, у них, мы так поняли, полноценной армии с собой всё равно нет, – ответил Берия, мысленно соглашаясь. Да, в драках надо побеждать самостоятельно, не прячась за спину старшего брата по разуму. Тем более что братец-то того... с особенностями. – Корабль в процессе перелёта потерпел крушение, на орбиту Земли они уже прибыли с повреждениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.